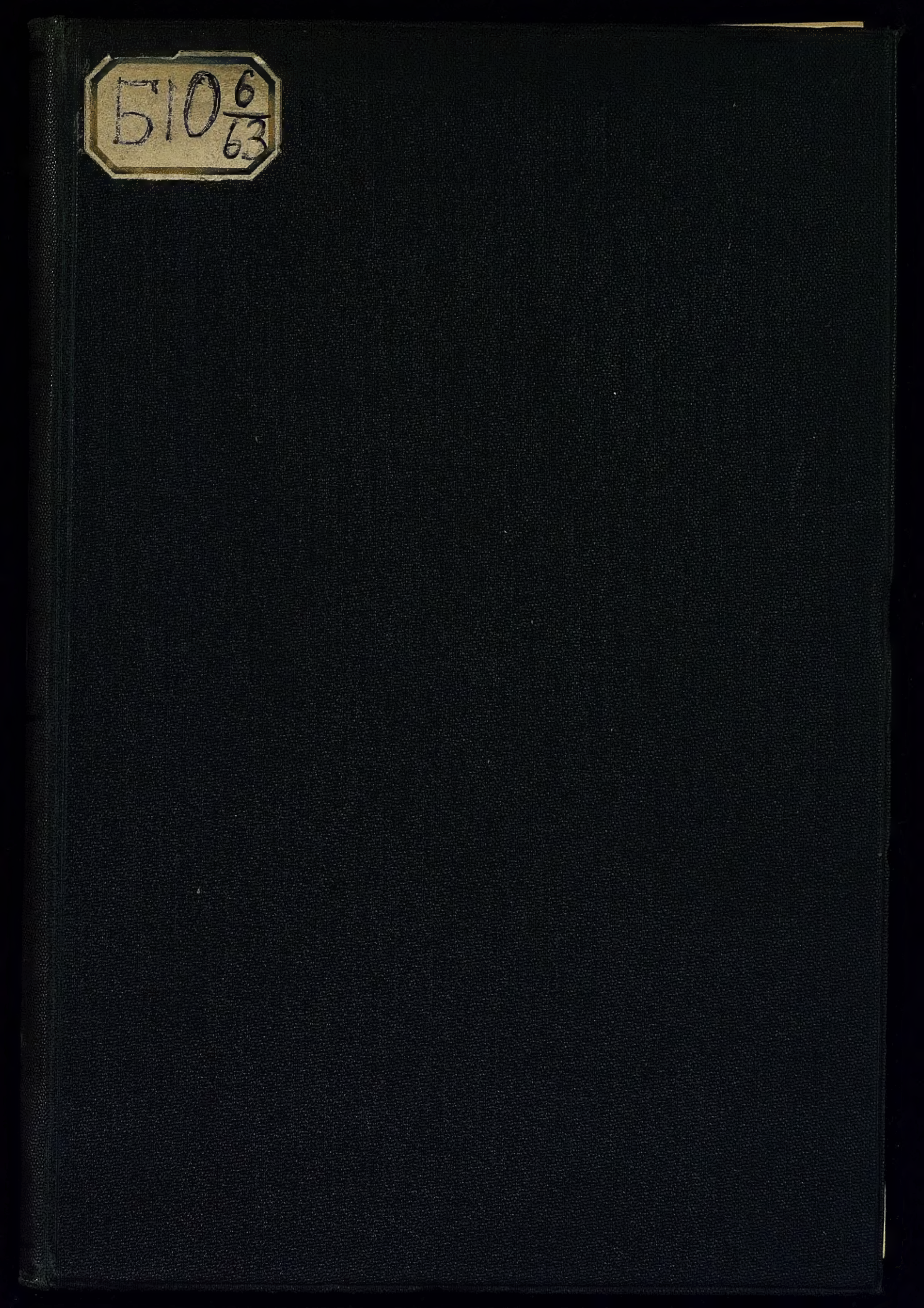

Б10 6/63

Цѣна 80 коп., съ перес. 1 руб.

Иванъ Ѳедоровъ

ПІОНЕРЪ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЕЛИКОЙ РУСИ.

Е. Ѳ. Шрекникъ.

ИВАНЪ ѲЕДОРОВЪ

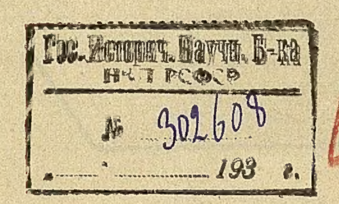
ПІОНЕРЪ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЕЛИКОЙ РУСИ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

О НАЧАЛѢ КНИГОПЕЧАТАНІЯ ВЪ РОССІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Эдуарда Гоппе,
Вознесенскій просп. № 53.
1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 го февраля 1895 г.

I.

Дѣло Божіе.

Лѣтомъ 1553 года въ покояхъ рабочей палаты государя Великой Руси, Ивана IV Васильевича, сидѣли по чинамъ заслуженные, высокостепенные члены боярской думы. На лицахъ почти всѣхъ думскихъ совѣтниковъ было видно тягостное ожиданіе и грустное настроеніе, словно они чуяли надъ собой тучу грозную.

И могло ли быть иначе? Чуялось имъ, что въ душѣ государя нарождается новое настроеніе, что, вмѣстѣ съ умомъ, зрѣютъ и страсти. Хотя довѣріе Іоанна къ разуму бывшихъ наставниковъ еще не умалилось, но увѣренность его въ самомъ себѣ изо дня въ день увеличивалась — къ добру или ко злу? Кто изъ смертныхъ можетъ приподнять покровы будущаго?

Одно было ясно: государь возмужалъ. Признательный за мудрые совѣты въ про-

шломъ, царь Иванъ Васильевичъ пересталъ уже чувствовать необходимость въ дальнѣйшемъ руководительствѣ и начиналъ тяготиться опекою бояръ, которые, не измѣняя старому обыкновенію, говорили смѣло, рѣшительно при всякомъ случаѣ и не думали угождать его волѣ.

Недавно еще, вѣрный обѣту, данному имъ во время болѣзни, Іоаннъ, противъ воли и желанія своихъ сановниковъ, сдѣлалъ по своему и поѣхалъ въ монастырь св. Кирилла Бѣлозерскаго вмѣстѣ съ царицею и сыномъ, даже не испугался предсказанія, что царевичъ Димитрій будетъ жертвою его упрямства. Однако предсказаніе сбылось: юный царевичъ скончался въ дорогѣ въ іюнѣ 1553 г. Какое впечатлѣніе произвела смерть сына на царя? Кто могъ проникнуть въ глубь его души? Съ мрачнымъ ликомъ слушалъ онъ нареканіе, будто бы смерть сына — непосредственное слѣдствіе его упрямства и, на всѣ эти упреки, отвѣчалъ: »Дѣло Божіе!« При этомъ окидывалъ своихъ сановниковъ испытующимъ взглядомъ, отъ котораго они всѣ дрожали, и который заставлялъ ихъ теряться въ морѣ догадокъ. Съ этого времени они не могли быть болѣе покойны духомъ: не вѣрили наружному спокойствію царя, боялись за личную свою безопасность.

Подъ наплывомъ этихъ разнородныхъ чувствъ, сидѣли они на лавкѣ, молча, понуривъ головы, ожидая выхода государя. Тягостная тишина была вдругъ прервана твердыми шагами въ сосѣднемъ покоѣ; растворились двери рабочей государевой палаты, и вошелъ царь Іоаннъ Васильевичъ.

Подобно дѣду своему, Іоанну III-му, Іоаннъ IV былъ въ общемъ красивъ. Онъ былъ высокаго роста, хорошо сложенъ, съ могучими плечами, широкой грудью; глаза у него были маленькіе и живые, носъ выгнутый, усы длинные. Не смотря на то, что уста его выражали сдержанную усмѣшку, весь обликъ его носилъ отпечатокъ мрачнаго недовольства.

При появленіи Іоанна всѣ встали и поклонились въ поясъ. Окинувъ пронзительнымъ, острымъ взоромъ сановниковъ, онъ медленно дошелъ до своего мѣста и опустился въ кресло.

— Князья и бояре! Уповая на милость Божію и на Святыхъ заступниковъ земли Русской, я имѣю, какъ вамъ то вѣдомо, одно только стремленіе: властвовать, какъ Всевышній указалъ властвовать своимъ истиннымъ помазанникамъ. Судъ нелицемѣрный, безопасность каждаго и нерушимая цѣлость, ввѣреннаго мнѣ Всевышнимъ Промысломъ,

государства, торжество вѣры, свобода христіанъ составляютъ предметъ постоянной думы моей, ибо въ день Страшнаго Суда хочу услышать гласъ милости: »ты еси царь правды!« и отвѣтствовать съ умиленіемъ: »се азъ — и люди, ихъ же далъ ми еси Ты!«

Царь немного остановился, направилъ взоръ на бояръ, какъ будто бы хотѣлъ испытать, какое впечатлѣніе произвели его слова. Устремивъ взоръ на царя, бояре сидѣли въ глубокомъ молчаніи. Не смотря на то, испытующій глазъ Іоанна могъ явно замѣтить на чертахъ своихъ сановниковъ отпечатокъ ихъ души: на всѣхъ лицахъ встрѣчалъ онъ выраженіе внутренней тревоги, соединенной съ изумленіемъ.

На лицѣ Іоанна появилась улыбка удовлетворенія. Помолчавъ, онъ обратился опять къ боярамъ съ рѣчью, въ которой звучало не мало ироніи:

— Зная усердіе ваше ко благу общему и любовь къ отечеству, я увѣренъ, что вы будете поборниками въ моихъ благихъ намѣреніяхъ! Самимъ вамъ вѣдомо, что Господь рано лишилъ меня отца и матери, что въ жалкомъ дѣтствѣ своемъ, я казался глухимъ и нѣмымъ, судіи неправедные, что злые крамольники дѣлали, что хотѣли... но это минувшее зло... отнынѣ мы чувствуемъ силу

свою и надѣемся управиться. Милость Бога открыла мои очи, и я взираю свободнымъ окомъ на людей, на власть, дарованную мнѣ Богомъ, и на все мое царство.

При этихъ словахъ Іоаннъ значительно взглянулъ на бояръ и, трясясь отъ волненія, такъ ударилъ о полъ посохомъ, что желѣзный наконечникъ его вонзился глубоко въ дубовую половицу.

Самоувѣренныя слова Іоанна, внезапный ударъ посохомъ о полъ повліяли угнетающимъ образомъ на чинно сидящихъ бояръ. Передъ грознымъ, проницательнымъ взглядомъ Іоанна они опустили глаза въ землю. Лицо Іоанна прояснилось. Что-то въ родѣ довольства выразилось въ глазахъ его. Посмотрѣвъ еще разъ пристально на бояръ, онъ злорадно усмѣхнулся и съ необычайной мягкостью началъ снова:

— Желая быть царемъ правды, какъ вамъ, боярамъ, всѣмъ вѣдомо, мы съ вами и другими мужами, свѣдущими въ искусствѣ гражданскомъ, разсмотрѣли и дополнили »Уложеніе« великаго дѣда нашего, царя Іоанна III, согласно съ новыми опытами, съ новыми потребностями Россіи въ ея гражданской и государственной жизни. Вышелъ судебникъ, въ которомъ нѣтъ ни блеска, ни суетной славы, а видна забота о благѣ народа и

стремленіе водворить справедливость и благоустройство. Съ такою же цѣлью изданъ и указъ о мѣстничествѣ. Съ этою же цѣлью былъ назначенъ въ 1551 г. соборъ служителямъ Божьимъ: отъ нихъ требую ревностнаго наставленія. Пастыри стада Христова, достойные святители церкви, устроимъ и ее по волѣ Божьей. Исправимъ не только обряды церкви, но и самые нравы духовенства въ примѣръ мірянамъ, потщимся ученіемъ образовать достойныхъ служителей алтаря, уставить правила благочинія въ храмахъ Божьихъ, искоренить соблазнъ въ монастыряхъ, очистить христіанство Россійское отъ всѣхъ остатковъ древняго язычества и проч. Въ этихъ видахъ и составленъ извѣстный вамъ Стоглавъ...

— Занимаясь таковыми Божьими дѣлами, необходимо было, для благоденствія Россіи, унять враговъ, которые столь страшно свирѣпствовали въ нашихъ предѣлахъ, что на 200 верстъ земля была усѣяна пепломъ и костями россіянъ. Самимъ вамъ вѣдомо, какъ, страдая за имя Божіе и за вѣру, отечество наше пріобрѣло въ прошедшемъ году неслыханную доселѣ славу. Предъ нами пало царство Казанское, одно изъ знаменитыхъ царствъ, основанныхъ Чингисовыми монголами, ужасъ для Восточной Россіи, гдѣ на

всемъ обширномъ пространствѣ, отъ Нижняго-Новгорода до Перми, люди вѣчно трепетали. Мы подвиглись на Казань, благополучно достигли цѣли, и, милостію Божіею, сей градъ многолюдный палъ предъ нами. Исчезъ блескъ Магомета, на его мѣстѣ водруженъ святой крестъ. Господь былъ съ нами, Онъ же намъ далъ и побѣду! Не такъ ли?

— Такъ, такъ, великій государь! Мы, твои бояре, удивлены изобиліемъ Небесной къ намъ милости. Что речемъ предъ тобой? Развѣ токмо воскликнемъ еще: дивенъ Богъ, творяй чудеса! отвѣтствовали единодушно всѣ бояре, вставая и кланяясь царю въ поясъ.

Казалось, этотъ отвѣтъ бояръ былъ не по сердцу царю, такъ какъ мрачно окинулъ онъ своими глазами поклонившихся предъ нимъ бояръ. Однако, какъ только они опять выпрямились, мрачное выраженіе съ быстротою молніи исчезло, черты лица приняли отпечатокъ милостиваго благоволенія.

Не отъ всѣхъ бояръ ускользнула быстрая и рѣзкая смѣна выраженія въ чертахъ лица Іоанна. Алексѣй Басмановъ уловилъ мрачный взоръ царя и во все время, никѣмъ незамѣченный, не спускалъ съ него глазъ. Онъ, казалось, изучалъ выраженіе

его лица, чтобы проникнуть въ самую глубь души. Когда потомъ всѣ бояре снова усѣлись на лавкѣ, Басмановъ одинъ стоялъ неподвижно. Всѣ глаза обратились на него. Когда и Іоаннъ устремилъ на него пристально-вопросительный взоръ, Басмановъ поклонился ему и сказалъ:

— Великій государь, позволь молвить слово!

— Говори!

— Бояре наши только что воскликнули при воспоминаніи о славной побѣдѣ: дивенъ Богъ, творяй чудеса... Оно такъ-то такъ, но заслужили-ли бы мы такую милость Божію, коли бы не ты, царь великодушный, терзаемый бѣдствіемъ отечества, возложивъ неуклонную надежду на Бога Вседержителя, произнесъ обѣтъ спасти насъ? Ты же ополчился вѣрою, шелъ на трудъ и смерть, предалъ свою душу и тѣло за церковь, за отечество, и—вотъ благодать небесная возсіяла надъ тобой и, ради тебя только, надъ нами. Да, да, бояре, благодать небесная возсіяла надъ нашимъ царемъ, яко же на древнихъ владыкахъ, угодныхъ Господу: на Константинѣ Великомъ, св. Владимірѣ, Димитріи Донскомъ, Александрѣ Невскомъ. И ты, великій Государь, сравнялся съ ними, и никто не превзошелъ тебя. Слава тебѣ, тебѣ одному!

Льстивая рѣчь Басманова, казалось, нашла отголосокъ въ душѣ Іоанна. Глаза его сіяли, и онъ важно выпрямился во весь свой ростъ. Взоръ его остановился на сидящихъ предъ нимъ боярахъ... лицо царя побагровѣло, глаза его затуманились. Явно было замѣтно въ чертахъ бояръ что-то странное. Подозрительный умъ Іоанна объяснилъ это по своему. Ему казалось, что они страшатся рѣчи Басманова, думая, что избытокъ славы можетъ дать царю справедливое сознаніе своего величія, опасное для ихъ властолюбія. Ему казалось, что бояре уже замышляютъ какъ-бы обуздать его стремленіе къ расширенію своей власти. При этой мысли Іоаннъ затрепеталъ. Ужасъ объялъ его, но вскорѣ онъ вознегодовалъ на свое малодушіе. Онъ направилъ на сановниковъ такой хищный взоръ, что они всѣ задрожали, какъ бы видя въ этомъ взорѣ потоки крови.

Подъ вліяніемъ какой-то необъяснимой, таинственной силы, они вдругъ всѣ встали, поклонились ему низко, низко... и почти безсознательно повторили шепотомъ послѣднія слова Басманова: »Да, да, слава тебѣ... и... и... всѣмъ твоимъ славнымъ сподвижникамъ!«

— Се было дѣло Божіе, — сказалъ Іоаннъ, стараясь придать чертамъ своимъ самое спо-

койное выраженіе.—Я токмо помнилъ слово Евангельское: рабе благій! въ малѣ былъ еси вѣренъ—надъ многими тя поставлю! Не позабуду и вашихъ услугъ... я буду воздавать, чѣмъ могу.

Послѣднія слова Іоаннъ произнесъ хриплымъ шепотомъ, такъ что бояре едва разслышали, но, не смотря на то, впечатлѣніе, которое они произвели, было знаменательно. Слова эти казались откровеніемъ какой-то тайны, отгадать которую имъ хотя и недоставало ключа, но тѣмъ не менѣе страшное предчувствіе вызвало у нихъ дрожь во всемъ тѣлѣ. Да и на самого государя слова его произвели потрясающее впечатлѣніе. Едва онъ произнесъ ихъ, какъ и самъ весь поблѣднѣлъ отъ страха, подобно чародѣю, пугающемуся недоброй силы, имъ самимъ вызванной. Лицо Іоанна стало неподвижно... на лбу показался холодный потъ... Такъ продолжалось нѣсколько мгновеній. Затѣмъ, опять все измѣнилось. Онъ овладѣлъ собою, поднялъ гордо голову и сказалъ совершенно спокойно и твердо:

— Князья и бояре! я не призывалъ васъ сюда восхвалять Наши подвиги, но призвалъ васъ поразсудить съ Нами, какъ внѣдрить истинную вѣру въ сердца варваровъ завоеваннаго Нами царства Казанскаго. Потре-

буется много богослужебныхъ книгъ для церквей, воздвигаемыхъ на томъ мѣстѣ, гдѣ исчезъ блескъ магометовъ. Что скажете, бояре? Откуда намъ взять столько богослужебныхъ книгъ, необходимыхъ для вновь воздвигаемыхъ храмовъ Божіихъ?!

Бояре переглянулись, но молчали. Вопросъ царя показался имъ почему-то страннымъ. Наконецъ, одинъ рѣшился отвѣтить:

— Государь, да развѣ на Руси грамотныхъ людей мало? Множество рукъ могутъ тотчасъ обратиться къ письменному труду. Кромѣ »дописцевъ« при монастыряхъ, при епископахъ, есть же еще и писцы-промышленники, которые въ короткое время перепишутъ, сколько понадобится богослужебныхъ книгъ; закажи только, великій государь, тысячи рукъ рады будутъ служить Богу и тебѣ.

— Мы въ этомъ увѣрены,—отвѣчалъ Іоаннъ:—Однако назовите мнѣ такого мужа, которому было бы подъ силу провѣрить всѣ эти письмена, пересмотрѣть всѣ эти книги—каждую порознь и во всѣхъ исправить множество грубыхъ ошибокъ и описокъ, нечаянныхъ пропусковъ и преднамѣренныхъ искаженій.

Могутъ ли такія книги дѣйствительно служить опорою Православной церкви и христіанству? Сколько книгъ мы ни велѣли

скупать на торжищахъ, почти всѣ онѣ искажены неискусными переписчиками. Какъ же намъ быть?

— Что рукописныя книги,—началъ бояринъ Морозовъ:—купленныя на торжищахъ, оказались малогодными къ церковному употребленію, дѣло извѣстное. Эти книги переписываются не Божьими людьми, но писцами-промышленниками, большею частію неискусными и малограмотными, оттого онѣ и полны ошибокъ. Нѣтъ, государь, тутъ ужъ придется скупать рукописныя книги не на торжищахъ, а у писцовъ просвѣщенныхъ.

— Развѣ ты не допускаешь, что и эти просвѣщенные переписчики богослужебныхъ книгъ могутъ передать письмена несогласно съ истиной?—замѣтилъ иронически царь.

— Несогласно съ истиной?—повторилъ Морозовъ и взглянулъ съ изумленіемъ на своего государя:—какъ же это можетъ быть?

— Ты, князь, кажется, слишкомъ увѣренъ въ непогрѣшимости монастырскихъ писцовъ!—воскликнулъ рѣзко Іоаннъ:—Мы не можемъ сочувствовать твоей увѣренности. При постоянной перепискѣ одной книги съ другой и монастырскіе переписчики могутъ сдѣлать ошибки, не понять нѣкоторыхъ реченій и замѣнить ихъ другими, по своему крайнему разумѣнію. Такимъ образомъ, мож-

но, навѣрное, и здѣсь встрѣтить множество ошибокъ, не только грубыхъ, но, можетъ быть, даже еретическихъ.

— Не осуди, государь! — смѣло возразилъ Морозовъ: — ты говоришь о дѣлахъ, которыя, быть можетъ, происходятъ на западѣ: тамъ всѣ растлѣны, у насъ — совсѣмъ другое дѣло. Каждое слово, каждая буква внимательно просматривается ранѣе, чѣмъ переписывается. Какъ же могутъ произойти ошибки? Часто бываю я въ монастыряхъ, тамъ есть письменныя мастерскія, которыми завѣдуетъ почтенный, просвѣщенный слуга Божій, онъ же несетъ обязанности книжнаго справщика и чтеца. Какъ книгохранитель, онъ внимательно выбираетъ пересмотрѣнныя книги для переписки и тщательно слѣдитъ за строгимъ выполненіемъ ея. Прежде чѣмъ приняться за трудъ, благочестивые монастырскіе писцы рачительно разглаживаютъ пергаментъ, складываютъ его, линуютъ и, призывая благословеніе Божіе, принимаются за переписку. Въ правой рукѣ у переписчика перо, въ лѣвой — заостренный и загнутый въ видѣ полумѣсяца ножъ, которымъ онъ счищаетъ малѣйшія неровности на бумагѣ. Рядомъ съ нимъ лежатъ кисточки для разрисовыванія заглавныхъ буквъ, блестящія краски и тушь. Вотъ, государь, такимъ-то

способомъ возникаютъ наши харатейные списки, наши богослужебныя книги, сохраненію въ чистотѣ которыхъ мы, по истинѣ, обязаны писцамъ монастырскимъ. По этимъ книгамъ многіе праведные люди благоугодили Богу. Какъ же тутъ быть ошибкамъ и недосмотрамъ?

Добродушно, но вопросительно Морозовъ вперилъ въ Іоанна свой взоръ. Онъ чувствовалъ себя убѣжденнымъ въ правильности монастырскихъ рукописныхъ книгъ и предполагалъ, что и самъ Іоаннъ теперь убѣдился. Онъ хорошо замѣтилъ, какъ государь внимательно слѣдилъ за его рѣчами. Вдругъ Іоаннъ пристально взглянулъ на Морозова и прервалъ молчаніе:

— Ты, князь, усердный поклонникъ стараго обыкновенія, — сказалъ онъ, медленно выговаривая каждое слово: — я хулить тебя за это не могу, но полагаю, что ошибаться свойственно всѣмъ людямъ адамовой плоти. Кромѣ того, не всѣ и не вездѣ трудятся съ одинаковымъ рвеніемъ. Если бы дѣло шло всюду такъ, какъ ты глаголешь, то было бы хорошо, но дѣло въ томъ, что и при самомъ заботливомъ отношеніи къ дѣлу, все-таки дѣлаются ошибки, что достаточно доказано грекомъ Максимомъ. Онъ съ великимъ тщаніемъ пересмотрѣлъ наши книги, и, по сло-

вамъ его, всѣ онѣ растлѣны отъ переписывающихъ и неискусныхъ въ разумѣ.

При указаніи Іоанна на Максима Грека, приглашеннаго уже Василіемъ Іоанновичемъ въ Москву для переводовъ, и, главнымъ образомъ, для разбора греческихъ рукописей и въ то же время занимавшагося исправленіемъ церковныхъ книгъ, шепотъ неудовольствія пробѣжалъ между боярами — приверженцами старины.

Чуткое ухо Іоанна услышало этотъ шепотъ.

— Максимъ Грекъ,— сказалъ онъ строго: — человѣкъ высокаго ума и для русской церкви свѣтильникъ, хотя и былъ преданъ суду духовнаго собора и осужденъ...

На лицахъ бояръ изобразилось удивленіе... что слышали они изъ устъ государя?

Максимъ Грекъ, обвиненный въ порчѣ богослужебныхъ книгъ и въ распространеніи еретическихъ мнѣній, называется нынѣ свѣтильникомъ русской церкви!

Бояре недовѣрчиво взглянули на Іоанна.

— Государь... вѣдь, Максимъ,—воскликнулъ одинъ изъ нихъ:— своимъ исправленіемъ сѣялъ ересь, и самъ ты, государь, не обращалъ вниманія на его мольбы отпустить его на Аѳонъ... какъ же нынѣ онъ сталъ свѣтильникомъ православія?

— Судьба Максима,—проговорилъ Іоаннъ мрачно и глухо: — принадлежитъ русскому міру!—Узы его цѣлуемъ, но пособить ему не можемъ! Каждому дается даръ Духа Святаго: тому слово премудрости, тому вѣра, тому даръ исцѣленія, тому пророчество, а тому языки. Видите, не всякому даются всѣ дары Божіи. Максиму дано разумѣть языки и сказанія, и потому не удивляйтесь, бояре, коли онъ исправлялъ описки, которыя утаились отъ очей нашихъ почтенныхъ писцовъ. Коли мысли Максима не выражены вполнѣ ясно по-русски, то онъ въ этомъ не виноватъ. При исправленіи книгъ онъ не былъ достаточно знакомъ съ славянскимъ языкомъ, передавалъ свои мысли по-латыни толмачамъ; и потому, коли есть что либо хульнаго въ употребленныхъ имъ реченіяхъ, то это слѣдуетъ вмѣнить въ вину не ему, а толмачамъ. Максимъ, заботясь объ исправленіи богослужебныхъ книгъ, вложилъ мнѣ въ умъ благую мысль: произвести отъ письменныхъ книгъ печатныя, ради крѣпкаго исправленія и утвержденія и скораго дѣланія и ради легкой цѣны, и такъ учинить въ царствующемъ градѣ Москвѣ и во всей Россіи, какъ оно уже учинено у Грековъ и въ Нѣмецкихъ земляхъ, въ Виницѣ и во Фригіи, и Бѣлой Руси, и въ Литовской землѣ, и въ прочихъ

тамошнихъ странахъ, дабы можно было всякому православному христіанину праведно и не смутно читать святыя книги и говорить по нимъ, и дабы можно было повелѣть разсылать эти печатныя книги по всей Русской землѣ и въ Казанскомъ царствѣ.

Лицо Іоанна, одушевленнаго мыслію обогатить Россію плодами чужеземнаго искусства, просвѣтлѣло и приняло милостивое выраженіе. Однако, когда онъ замѣтилъ, что его сановники стали шептаться между собой и высказывать свое неудовольствіе, лицо его рѣзко измѣнилось.

— Ну, бояре, говорите,—загремѣлъ онъ грозно.—Я призвалъ васъ обдумать и поразсудить: завести ли на Руси книгопечатаніе или нѣтъ? Говорите, какъ мыслите: хочу знать, что думаетъ каждый!

Въ этихъ словахъ звучали такія рѣзкія ноты, что изъ нихъ уже можно было заключить, что хотя онъ и предоставилъ боярамъ разсудить и обдумать дѣло книгопечатанія на Руси, въ сердцѣ же своемъ уже вполнѣ рѣшилъ этотъ вопросъ и теперь только ожидаетъ одобренія боярами его намѣренія.

Бояре все молчали и только многозначительно переглядывались. Видя это, Іоаннъ рѣзко закричалъ, возвышая голосъ:

— Ну, бояре, что скажете мнѣ... придете

вы къ какому-либо заключенію или нѣтъ? Долго думаете! Ну, что ты скажешь, Дружина Андреевичъ?

Лицо Дружины Андреевича Морозова побагровѣло, когда онъ увидалъ, что долженъ первый высказаться.

— Государь—сказалъ онъ, сдѣлавъ усиліе надъ собою:—слишкомъ старъ я, чтобы сочувствовать нововведеніямъ чужеземцевъ и еретиковъ. Мудреное дѣло... изготовить богослужебныя книги еретическими силами! Не осуждай, государь... не дѣло ли это нечистой силы, дабы соблазнить плоть Адама и ввести насъ во грѣхъ?!

— Дружина Андреевичъ правъ, правъ! — поддерживали Морозова и голоса бояръ: —изготовить книги, не переписывая, это колдовство! Да, да, колдовство!

— Вотъ здѣсь-то и кроется корень зла въ Нѣметчинѣ. Своими нечистыми дѣяніями накликали они только бѣду на себя. Развѣ тебѣ, государь, не вѣдомо, какъ нынѣ въ Нѣметчинѣ всякій берется за дѣло истолкованія Христова ученія по своему разуму. Вотъ и пошли у нихъ ссоры и споры и дошли до кровавыхъ усобицъ. И сколько еретиковъ развелось у нихъ за послѣднее время! Тамъ поклонники какого-то Лютера, здѣсь приверженцы Гусса, тамъ іезуиты, здѣсь про-

тестанты и жиды—и всѣ въ разладѣ живутъ. Головы и бороды брѣютъ; въ церквахъ дерутся между собою и служатъ службу безъ ризъ. Въ монастыряхъ всѣ живутъ вмѣстѣ, монахи, монахини и міряне, вездѣ творится у нихъ безчиніе и клянутся именемъ Божіимъ во лжи. И вотъ, пока они всѣ тамъ глумятся надъ церковью Христовою, съ восхода наступятъ орды Магомета, и запылаютъ тогда храмы Божіи съ мощами святителей. Нѣтъ, нѣтъ, государь, негоже намъ вводить мудрость и чернокнижіе иновѣрныхъ земель!

— Правда, правда, непригожи намъ новшества,—согласились и прочіе бояре.—Нечего соблазняться мудростью иновѣрныхъ! Не преклоняться передъ ней надо намъ, а остерегать отъ нея земщину и народъ!

— Государь, — началъ опять Морозовъ скромно и съ достоинствомъ:—не ставь намъ во грѣхъ, что хотимъ старину святую отстоять! Коли самъ на Грека Максима указалъ, то и помни, до гробовой доски помни, что и онъ рекъ: »которая земля перестанавливаетъ обычаи свои, и та земля недолго стоитъ!« Симъ вѣдомо тебѣ, государь, что у иноземцевъ только то и на разумѣ, какъ бы погубить старину нашу святую и обасурманить Русь Православную. Развѣ въ 1547 г. саксонецъ Шлитъ не хотѣлъ тебѣ

услужить? Чѣмъ это кончилось?—легкомысленными предложеніями, подобно предложеніямъ Ганса Миссенгейма, датскаго посланника, человѣка, требующаго, ради знанія своего чернокнижія, чтобы Русь святая отреклась отъ святой вѣры отцовъ своихъ и приняла бы лютерскую ересь! Непригодно намъ чернокнижіе чужеземцовъ!

При словахъ Морозова, чело Іоанна омрачилось. Опустивъ голову на грудь, онъ задумался. Едва только Морозовъ замолкъ, какъ онъ снова гордо поднялъ голову. Лицо его теперь подергивалось судорожными движеніями, ноздри раздувались, глаза горѣли пламенемъ.

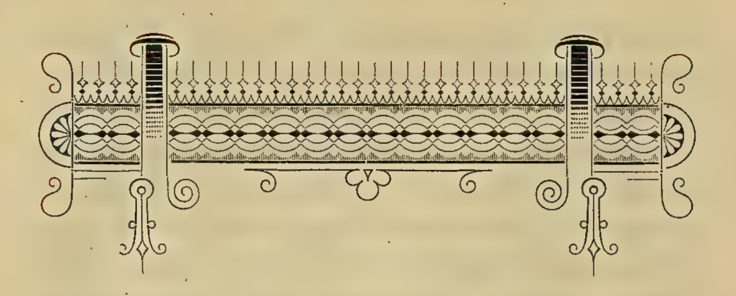
— Вижу я,—возразилъ онъ глухимъ, возвышеннымъ голосомъ:—что изъ васъ, бояре, ни одинъ не двинетъ перстомъ, чтобы послужить дѣлу просвѣщенія убожества народа. Въ Литовскихъ земляхъ, въ Бѣлой Руси производятъ отъ письменныхъ книгъ печатныя, а въ Великой Руси все еще, по вашему, подобаетъ придерживаться письменныхъ книгъ, хотя и были бы онѣ всѣ растлѣны отъ неискуснаго разума... Нѣтъ, нѣтъ! я воленъ въ Великой Руси, хочу искоренить всѣхъ невѣрныхъ, злыхъ враговъ Россіи и Христа. Коли и вы противъ моего намѣренія... берегитесь! Книгопечатаніе не есть порожденіе нечистой силы, какъ вы всѣ въ

своемъ разумѣ предполагаете. Боже сохрани! Книгопечатаніе милость Божія... дѣло Божіе! Вотъ что! Поэтому да будетъ вѣдомо вамъ: совѣтовались мы съ нашимъ отцемъ духовнымъ, митрополитомъ Макаріемъ, о семъ дѣлѣ, и нашъ достойный Владыко ободрялъ и прямо сказалъ, что эта мысль внушена намъ самимъ Богомъ, что это даръ, свыше исходящій. Дѣла больше не отложу, а приступлю къ выполненію своего замысла; на завтра мнѣ уже готовятъ указъ — строить особый домъ для помѣщенія орудій печатанія среди града моего, среди дворовъ московской знати. На устройство печатнаго дѣла не пожалѣю издержекъ. Но чтобы и души ваши успокоились... объявляю вамъ, что я, вашъ государь, сдѣлалъ обѣтъ и даю вамъ царское слово, что не буду пользоваться въ этомъ дѣлѣ иноземными еретиками, а подожду, пока Богу угодно будетъ указать мнѣ человѣка, въ руки котораго могу вложить сіе Божіе дѣло!

Іоаннъ всталъ, медленно перекрестился и пошелъ въ свою рабочую палату.

Перекрестились и всѣ сановники и съ грустью, почти со страхомъ поглядѣли вслѣдъ царю.

Покачивая головами, въ глубокомъ раздумьѣ, бояре стали расходиться.

II.

Доносъ.

Прошли дни, недѣли, мѣсяцы и даже цѣлые годы. Хотя Іоаннъ не щадилъ издержекъ на постройку печатнаго двора, все же постройка его продолжалась почти десять лѣтъ и теперь только приближалась къ концу.

Зданіе, воздвигнутое среди теремовъ московской знати, на Никольской улицѣ, почти прямо противъ церкви св. женъ Мироносицъ*), имѣло величественный видъ. Каменный корпусъ его занималъ по Никольской улицѣ въ длину около 30 саженъ. Онъ состоялъ изъ двухъ ярусовъ съ подклѣтями и погребами.

*) Церковь св женъ Мvроносицъ тѣсно связана съ исторіей печатнаго двора. Священники ея были, обыкновенно, приглашаемы въ типографію при закладкѣ строенія, при новосельяхъ, предъ началомъ печатанія каждой книги. Церковь не такъ давно сломана; на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она стояла, теперь обширное купеческое подворье.

Оконницы въ немъ были слюдяныя, кровля и всѣ принадлежности деревянныя. Строеніе дѣлилось на двѣ палаты. Одна изъ палатъ, называвшаяся большой, выходила на дворъ, другая, задняя, лежала ближе къ городской стѣнѣ.

Въ корпусѣ воротъ построена была, надъ пролетомъ, четырехугольная палатка; надъ нею осмерикъ или трибунъ, а на немъ помѣщался верхній осьмигранный ярусъ башни, обставленный по угламъ флагами или прапорами, съ восемью пролетами и съ шпилевымъ пирамидальнымъ верхомъ, увѣнчаннымъ двуглавымъ мѣднымъ орломъ. Верхняя часть надворнаго корпуса украшалась, съ лицевой стороны, фризомъ и высокимъ парапетомъ. По обѣимъ сторонамъ большой надворотной башни, имѣвшей въ вышину 13 саженъ, къ воротамъ примыкали двухъэтажныя палаты, обѣ одинаковаго размѣра, въ 4 сажени, а надъ ними возвышались по двѣ глухихъ четырехъугольныхъ башенки съ остроконечными углами. Эти башенки, выдаваясь надъ карнизомъ, поддерживались массивными колоннами съ капителями въ коринѳскомъ стилѣ. Двѣ ближайшія къ воротамъ башни колонны, сверху до половины круглыя, внизу осьмигранныя, покрыты были высѣченными на камнѣ узорами. Общій видъ этой части зданія, не смотря на странную, повидимому, смѣсь

разнородныхъ архитектурныхъ стилей, былъ удивительно красивъ. Въ пролетѣ воротъ, въ полукружіи, надъ створами стояли иконы. На нихъ видимъ посрединѣ образъ Спасителя во весь ростъ; въ лѣвой рукѣ Его раскрытое Евангеліе, правая опущена внизъ съ указывающимъ перстомъ; по обѣимъ сторонамъ этой иконы изображеніе Богоматери и Іоанна Предтечи, а за ними, также по обѣимъ сторонамъ, святые въ молитвенномъ положеніи. Около самой арки, или пролета воротъ, виденъ особый выступъ съ пиластрами по сторонамъ и карнизомъ наверху, украшенный также высѣченными на камнѣ узорами, между которыми были помѣщены рельефныя изображенія орловъ, грифовъ, львовъ и единороговъ. Между орнаментами воротъ рѣзко выдѣлялись двѣ большія фигуры льва и единорога, помѣщенныя, въ видѣ герба, надъ воротами, подъ самымъ фризомъ. Левъ и единорогъ, въ царской шапкѣ, являются какъ-бы эмблемой на печати Ивана Грознаго. Единорогъ, вѣроятно, какъ символъ единодержавной власти *). Типографскій дворъ

*) Левъ и единорогъ были гербомъ Государева печатнаго двора, что и видно на книжныхъ переплетахъ. Левъ и единорогъ изображались на книжныхъ переплетахъ въ положеніи борющихся; рогъ единорога воткнутъ въ львиную пасть; надъ обоими корона съ тремя лепестками.

огороженъ былъ острымъ тыномъ и деревянными заборами, а на Никольскую улицу выходили большія деревянныя ворота съ кровлею. На отдѣлку воротъ было обращено особое вниманіе: они замѣняли собою фасадъ главнаго зданія, которое скрывалось внутри двора. Ворота были »точеныя и вальящатыя«. Издревле ихъ любили украшать разными изображеніями звѣрей, птицъ, разныхъ воображаемыхъ животныхъ, даже языческихъ героевъ; поэтому ворота печатнаго двора представляли образецъ этого искусства. Палата была единственнымъ каменнымъ зданіемъ на печатномъ дворѣ. Остальное пространство занято было разными деревянными постройками. Въ нихъ предполагалось помѣстить печатный приказъ и разныя вспомогательныя при типографіи мастерскія, какъ то: рисовальную и рѣзную, словолитню, переплетную, столярную, кузницу, горнъ для варки олифы. Всѣ эти строенія находились около главнаго зданія, внутри двора, близъ городской стѣны. Впослѣдствіи къ нимъ пристроена была рудня, гдѣ коптилась руда или сажа для типографскихъ чернилъ.

Дѣйствительно, грандіозно было, въ такомъ видѣ, созданіе рукъ Іоанна IV. Но, не смотря на это, оно не встрѣтило сочувствія ни въ народѣ, ни въ большинствѣ духов-

ныхъ лицъ и бояръ. Особенно это новое зданіе возбудило негодованіе всѣхъ тѣхъ переписчиковъ, которые смотрѣли на постройку печатнаго двора, какъ на бѣсовское дѣло и въ тайнѣ опасались лишиться работы. Тяжело пришлось поэтому многочисленному классу доброписцевъ при монастыряхъ и тѣмъ писцамъ-промышленникамъ, которые переписывали богослужебныя и всякія »книги-четьи« по найму и закону, скрывать свое негодованіе противъ новшества царя. Они тѣмъ болѣе должны были мириться съ повелѣніемъ Грознаго, что послѣ смерти возлюбленной царицы, Москва цѣпенѣла въ страхѣ, видя, какъ вокругъ ея любимаго царя поднимаются злыя силы, какъ-бы изъ нѣдръ ада посланныя возмутить, истерзать Россію. Кровь лилась на улицѣ, въ темницахъ, въ монастыряхъ стонали жертвы... Настоящее внушало ужасъ за будущее.

Клевета на достойныхъ совѣтниковъ, Адашева и Сильвестра, заточеніе ихъ, казни бояръ, все это бросало мрачную тѣнь на событія; словно темное облако застилало взоры. Всѣ чувствовали какой-то гнетъ, чего-то ждали, опасались и съ невольной тревогой вглядывались въ темное будущее, не сулившее ничего добраго.

При такихъ обстоятельствъ притихли всѣ противники свѣта, тѣмъ болѣе, что царю Іоан-

ну не удалось до настоящаго времени найти русскихъ дѣятелей, вполнѣ подготовленныхъ къ печатному дѣлу, а ради страха передъ ересью опасались выписывать чужеземныхъ типографщиковъ. Тѣмъ не менѣе люди покачивали головами, когда проходили мимо печатнаго двора и осѣняли себя въ суевѣрномъ ужасѣ крестнымъ знаменіемъ.

Настала весна... Чудный яркій день сіялъ надъ Москвой, обливая главы ея церквей и стѣны теремовъ теплыми лучами солнца. Вся природа манила на воздухъ. Поддаваясь этому соблазну, Татьяна, дочь овдовѣвшаго писца-промышленника Петра Емельяновича, покинула комнату отцовскаго двора и пошла въ садъ къ своему излюбленному мѣстечку — къ скамейкѣ, съ которой открывался восхитительной видъ на Бѣлокаменную и ея достопримѣчательности.

Едва только Татьяна позабыла на время о суетливой домашней дѣятельности, которая послѣ смерти ея матери всецѣло лежала на ней, какъ раздался на дворѣ голосъ ея отца:—Таня, Таня! Эка, опять въ садъ забралась! Иди-ка въ домъ, дѣла довольно: полно, сложа руки, сидѣть... готовься къ пріему гостей... эй, живѣе!..

Татьяна пошла въ домъ и начала убирать все по праздничному, но при этомъ не могла

не замѣтить, что сердце ея родителя переполнено желчью и какою-то злобой. Что это значитъ?

Какихъ же гостей намъ Богъ сегодня посылаетъ? — спросила, наконецъ, Татьяна у отца.

— Божьи труженики, будущіе страдальцы горемычные! — отвѣчалъ отецъ, какъ бы нехотя, словно стараясь отдѣлаться отъ разспросовъ дочери, и потомъ добавилъ злобно: — Да нѣтъ же! Шутки шутятъ чернокнижники! Мы, мы, Божіи труженики, не дадимся имъ въ руки... Нѣтъ... посмотримъ... чья возьметъ!

Татьяна смотрѣла на искаженное злобой лицо отца, ничего не понимая, все-таки чувствовала, что кругомъ ея происходитъ что-то недоброе. — Не узнавала она въ любимомъ отцѣ своемъ прежней привѣтливости и ласки къ себѣ. Жизнь, къ которой она привыкла съ дѣтства, принимала какое-то новое, необычное теченіе, и она не могла понять его. Послѣ привычной до сихъ поръ спокойной жизни, вдругъ почему-то начали по вечерамъ собираться въ домѣ отца не только доброписцы монастырскіе, но и писцы-промышленники.

Татьяна слышала толки ихъ о боярахъ-предателяхъ, заложившихъ душу свою черту, чтобы загубить царя и православныхъ сыновъ святой Руси; она видѣла озлобленныя лица

собесѣдниковъ, когда рѣчь заходила о постройкѣ Печатнаго двора, и злорадство надъ тѣмъ, что дѣло печатанія все не двигалось впередъ. Однако все это не было для нея такъ тяжко, какъ строгій приказъ отца болѣе не видаться съ возлюбленнымъ Петромъ Тимофеевичемъ Мстиславичемъ... Почему? задавала она вопросъ — и не находила отвѣта. Неужели изъ-за того только, что Петръ Тимофеевичъ разъ, въ бесѣдѣ, съ сочувствіемъ отнесся къ постройкѣ Печатнаго двора и твердилъ, что дѣло учинится въ похвалу Господу Богу Единому и къ наученію людей православныхъ божественной премудрости. А какъ ея родитель отнесся къ словамъ Петра Тимофеевича!?

При воспоминаніи объ этомъ, Татьяна и теперь еще тряслась всѣмъ тѣломъ...

Лицо отца побагровѣло, какъ макъ, и молнія сверкнула въ его очахъ, когда онъ глухимъ и хриплымъ голосомъ, напоминавшимъ рычаніе звѣря, сорвавшагося съ цѣпи, вскочилъ съ своей лавки и повторилъ слова Петра: »въ похвалу Господу Богу Единому... Ахъ ты, табашникъ проклятый! Сіе не дѣло Божіе, но дѣло діавола и пособниковъ его!! Вонъ, вонъ отсюда, чтобы слѣда твоего здѣсь не было, чтобы не погибнуть съ тобой въ семъ свѣтѣ и не имѣть той же доли въ бу-

дущемъ. Прочь отсюда, прочь! Съ этими словами отецъ вытолкалъ Петра Тимофеевича изъ дома.

Хотя и послѣ того Таня получала вѣсточки отъ Петра Тимофеевича, все-таки ей жилось тяжело и грустно, такъ какъ отецъ все болѣе и болѣе высказывалъ ненависть къ милому, даже строго запретилъ произносить имя его!

Да развѣ это для нея возможно теперь, когда образъ Петра Тимофеевича такъ глубоко, глубоко запечатлѣлся въ ея сердцѣ. Она волей-неволей въ мечтахъ своихъ вспоминала о немъ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ, которому ея молодое, неопытное сердце не успѣло еще подыскать подходящаго названія, и самымъ пламеннымъ ея желаніемъ была мечта встрѣтиться съ нимъ, взглянуть ему въ очи... Безотчетная грусть одолѣвала ее по временамъ, и только тягость домашнихъ работъ принуждала ее отказаться на время отъ осуществленія своихъ мечтательныхъ порывовъ.

Ужъ стемнѣло, когда собрались, наконецъ, гости Емельянова. Набралось такъ много народу, что и на лавкахъ не было мѣста, и Татьяна едва поспѣвала, по приказу отца, обносить всѣхъ квасомъ и медомъ и затѣмъ уходила въ свою комнату.

Какъ только Татьяна вышла изъ нарядной горницы, отецъ ея тотчасъ же началъ прислушиваться къ рѣчамъ гостей, бесѣдовать то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ нихъ. Видя всюду озлобленныя лица, онъ сталъ подъ образами въ переднемъ углу.

— Горе, горе намъ всѣмъ!—воскликнулъ Емельяновъ:—не избѣгнуть намъ сокрушенія, коли мы хладнокровно будемъ смотрѣть, что учиняетъ друкарскій дворъ. Не бывать добру отъ этой затѣи, ни намъ, ни народу православному.

— Охъ братцы! горе, горе намъ!

— Охъ, да! да! Шутка ли... правильно говоритъ Емельяновъ:—коли учиняютъ сатанинское друкарство, что же намъ дѣлать?

— Сольстили басурмане окаянные царя нашего, что приказалъ строить домъ для друкарства... о-охъ, сольстили его, чай, въ конецъ и его обасурманятъ!

— Будь тотъ трижды проклятъ, кто его на эту затѣю надоумилъ!

— Я видѣлъ, что постройка не подвигалась, началъ опять Емельяновъ, что уже почти десять лѣтъ прошло, какъ взялись за діавольское логовище, и душа моя радовалась, что не будетъ конца ей... но-охъ, братцы... обманулись мы всѣ... постройка сія еще не окончена, но ужъ появились плоды

нечистыхъ силъ... вотъ вамъ книга »Псалтырь«.

При этихъ словахъ указалъ онъ на друга своего Трофимова, который выступилъ впередъ съ какою-то книгою, открылъ ее и положилъ на столъ.

Не смотря на все негодованіе, которое можно было замѣтить въ чертахъ собравшихся, любопытство ознакомиться съ работой, произведенной искуственнымъ образомъ, взяло верхъ.

— Э... э, дѣйствительно, печатная псалтырь!—вскричали всѣ, толкаясь около стола, и разсматривая со всѣхъ сторонъ плодъ нечистыхъ силъ. Но скоро любопытство, съ которымъ писцы разсматривали первый опытъ книгопечатанія до 1564 г., начало мало-помалу переходить въ тотъ суевѣрный страхъ, который овладѣвалъ не только простымъ народомъ того времени, но отчасти людьми начитанными. Писцы не могли освоиться съ мыслію, что вся суть псалтыри, открытой предъ ними, въ дѣйствительности, точь-въ-точь согласовалась съ тѣми, которыя они могли переписывать только въ весьма продолжительный срокъ, между тѣмъ какъ для печатнаго воспроизведенія требовалось только нѣсколько недѣль. Несвѣдующіе въ механизмѣ книгопечатанія видѣли въ немъ только

демонское искусство, котораго они страшились. Объятые ужасомъ, они вдругъ отступили и невольно отдались этому чувству.

— Безъ сомнѣнія,—вскричалъ одинъ изъ писцовъ: — дѣло нечистыхъ силъ соблазнять души православныхъ христіанъ. Взгляните, взгляните: въ псалтири недостаетъ богохвальнаго выходного листа.

— Братцы, вѣдь, это такъ! — дѣйствительно, такъ... дѣло ужъ неладно!

— Вѣстимо, неладно!—утверждали всѣ остальные.

— И письмо-то, письмо, — началъ опять одинъ изъ суевѣрныхъ:—почти какъ строчено рукою и все-таки не рукою... это ужъ подмѣтить можно въ черной краскѣ. Да развѣ это чернила или тушь? Нѣтъ, нѣтъ... это ужъ адская мазня!

При этихъ словахъ писецъ провелъ рукою по большимъ буквамъ, но тотчасъ-же со страхомъ отскочилъ, почувствовавши на своихъ пальцахъ какую-то жирную влагу.

— Охъ, Господи помилуй! — вскричалъ онъ, оглядываясь кругомъ съ тревогой и невольно понижая голосъ. — Краска буквъ уже непремѣнно составлена самимъ Вельзевуломъ изъ адскихъ душъ... такъ и чувствуется ея влажность... да и запахъ, запахъ чисто адскій... Охъ, Господи, не ка-

рай насъ грѣшныхъ! Вотъ времена-то! Онъ быстро подбѣжалъ къ иконѣ, перекрестился и окропилъ себя и всѣхъ собравшихся святой водою.

Содрогаясь всѣмъ тѣломъ, всѣ съ ужасомъ глядѣли на столъ, гдѣ спокойно лежало страшилище.

— Долой, долой антихристову псалтирь!.. Въ огонь ее, чтобы не накликать бѣды!

— Дѣло анафемское, это ужъ такъ, такъ!

— Вонъ, вонъ съ грѣховодникомъ!

— Вонъ, вонъ!—раздались кругомъ голоса, и отовсюду ужъ потянулись руки, чтобы схватить псалтирь, какъ одинъ изъ монастырскихъ писцовъ Троицко-Сергіевской обители усердно всѣхъ растолкалъ и громко закричалъ:

— Стой, братцы, стой! Ну, сами посудите, что вы хотите устроить; вѣдь, вы не о двухъ головахъ! съ кѣмъ вы лѣзете въ борьбу?.. вѣдь, вы же крамолу противъ самого царя нашего замышляете! Да, видно, забыли, что онъ самъ же соизволилъ на устроеніе друкарства, что...

— Ужъ этому вѣры нельзя дать, чтобы самъ государь нашъ — послышался голосъ изъ той кучки, которая столпилась около Емельянова и Трофимова: — ты, старикъ, лучше языкъ придержи!

— Нечего мнѣ языкъ держать!—спокойно

отвѣтилъ старый труженикъ Троицкой обители: — знаю, что говорю, и вамъ, братцы, пора знать, что, именно, по волѣ государя учинено друкарство въ царствующемъ градѣ его, какъ оно уже учинено въ Нѣмецкихъ земляхъ, въ Бѣлой Руси и въ Литовской землѣ. Ну, сами, братцы, поймите; оглянитесь на себя, велики ли мы, чтобы ему противиться? Боже, упаси! Онъ не на то нашъ государь, чтобы воля его не исполнялась, а чтобы ее исполнять и на своемъ поставить; онъ же заставилъ построить на Никольской улицѣ палату для новаго дѣла! Противиться этому дѣлу, такъ и знайте — прямо противиться государю, а государю противиться нельзя: сила въ немъ не здѣшняя... онъ всѣхъ насъ своей волей гнетъ!

— Да, вѣдь, черезъ друкарство онъ же насъ всѣхъ извести хочетъ! Хочетъ, чтобы какъ доброписцевъ, такъ и писцовъ-промышленниковъ и на сѣмена не осталось!

— Коли, дѣйствительно, учинится друкарство, тогда грядутъ на насъ бѣды, бѣды великія! Чѣмъ-же намъ жить, чѣмъ кормить свой животъ?—закричалъ Емельяновъ, оглянувъ вопросительно своихъ приверженцевъ.

— Емельяновъ правъ, правъ!.. Да, чѣмъ намъ жить?

Всѣ вперили свои взоры въ поклонника

нововведенія царя, ожидая, что онъ скажетъ. Но старикъ смотрѣлъ по сторонамъ, какъ бы подыскивая слова для отвѣта.

— Да, чѣмъ вамъ жить? — воскликнулъ онъ наконецъ: — вѣстимо, ужъ этого не знаю... но неужто вѣрите, братцы, что Господь надъ вами не сжалится? Хоть новое дѣло воспроизведенія святыхъ книгъ держитъ васъ всѣхъ въ смертномъ страхѣ, а чуетъ мое сердце, что дѣло это все-таки — дѣло Божіе, а не діавольскихъ силъ. Да помните вы, что и святый отецъ Макарій, услыхавъ отъ царя о намѣреніи его учинить книгопечатаніе, прямо рекъ: »что мысль внушена царю самимъ Богомъ, что это даръ, свыше сходящій!« Коли сіе такъ, къ чему же, братцы, ваши заботы и страхи?.. не гнѣвите-же Бога, вѣдь, не къ худому ведетъ дѣло друкарства... къ хорошему!..

— Къ хорошему? А! къ хорошему? — гнѣвно восклицалъ Емельяновъ. — Н-не слушай его, братцы! вѣдь, языкъ-то безъ костей, все мелетъ. Ужъ это не дѣло Божіе, если производятся богослужебныя книги въ нѣсколько дней, будто-бы пряники какіе... между тѣмъ какъ Божіи труженики нуждаются въ мѣсяцахъ, годахъ, чтобы служить себѣ и Богу! Нѣтъ, нѣтъ, братцы, дѣло тутъ нечистое! Не забудемъ, что сказано въ писаніи:

бѣги грѣха, яко ратника! Сила ужъ здѣсь не Божія, но сила не только всѣмъ намъ, писцамъ, на соромъ и на горе, но и всякой православной душѣ на соблазнъ! Сами, братцы, посудите!

— Что правда, то правда! — поддержалъ его и Трофимовъ. — Вѣдь, немного-же протекло времени, какъ явился изъ Нѣметчины нѣкій Гансъ Миссенгеймъ, замышляя здѣсь учинить друкарство ради того, чтобы ввести наши православныя души въ соблазнъ и сокрушеніе. Небось, и нынѣ то-же будетъ!

— Вѣстимо, не иначе... знамо дѣло! — утверждало нѣсколько голосовъ.

— Гдѣ ужъ и быть въ друкарствѣ такой благодати, — началъ опять Емельяновъ: — каковую зримъ при перепискѣ книгъ... Не для потѣхи въ старину учили, что отъ этого дѣла три блага получаешь: первое — отъ своихъ трудовъ питаешься, второе — празднаго бѣса изгониши, третье — съ Богомъ бесѣдовать имаши! Ну, гдѣ же такія благодати получишь, коли учинишь друкарство? О... охъ, нѣтъ!.. не получивши благодати, только самъ себя обречешь на погибель!

— Правда, братцы!.. Насъ всѣхъ извести хотятъ... тянутъ наши души въ адъ кромѣшный!

— Божью правду бросить, на старину святую махнуть рукой? Нельзя! нельзя!

— Обиду горькую терпѣть... это ужъ намъ не подъ силу!

Такъ гудѣли голоса въ толпѣ, и когда старецъ изъ Троицкаго монастыря хотѣлъ ихъ вразумить, ему закричали со всѣхъ сторонъ:

— Полно врать! не слушай его, робята! Ему вѣры не давай! Самъ онъ обасурманился и насъ обасурманить хочетъ! Прочь, прочь проваливай!

— Проваливай, проваливай и намъ гуторить не мѣшай!—кричала вся толпа кругомъ, да такъ дружно и громко, что почтенному писцу Троицко-Сергіевскаго монастыря приходилось убираться по добру по здорову, пока ему боковъ не намяли.

Только немногіе послѣдовали его примѣру и удалились. Теперь началось бурное совѣщаніе. Всѣ они считали себя огорченными появленіемъ псалтири и обиженными въ своихъ правахъ, поэтому всѣ и готовы были отомстить виновнику будущихъ бѣдъ своихъ. Среди общаго гама и гула голосовъ вдругъ послышались вопросы: Да кто же этотъ грѣховодникъ? Кому же слѣдуетъ отомстить? Эти вопросы, на которые не находили отвѣта, какъ грозная туча, легли на всѣхъ; всѣ затихли и задумались. Вдругъ томительная тишина была нарушена. Послы-

шалось имя Петра Тимофеевича, и, какъ будто-бы подъ вліяніемъ этого имени, всѣ подняли понуренныя головы, многозначительно переглянулись и всѣ разомъ обратили глаза на Емельянова.

Емельяновъ стоялъ неподвижно, спокойный и блѣдный. Очевидно, онъ былъ увѣренъ, что никто, кромѣ Петра Тимофеевича, не былъ виновникомъ его бѣдъ. Какъ онъ ни былъ на него золъ, все-таки ему было больно, что указали именно на Петра Тимофеевича.

— И вы, братцы, дѣйствительно полагаете, — началъ наконецъ Емельяновъ, медленно выговаривая каждое слово: — что именно Петръ Тимофеевичъ зачинщикъ?..

— Вѣстимо, онъ! — замѣтилъ одинъ изъ писцовъ. — Но главный зачинщикъ, навѣрное, никто иной, какъ отецъ дьяконъ Николо — Гостунской церкви. Знамо дѣло, дьяконъ Иванъ Ѳедоровъ... чернокнижникъ!

— Дѣло ужъ извѣстное! — подтвердили и другіе голоса: — отецъ дьяконъ, вѣстимо, чернокнижникъ!

— Недавно еще встрѣтилъ я отца дьякона съ Петромъ Тимофеевичемъ предъ новой палатой. Оба шушукались между собой... Это не спроста... Что-нибудь затѣваютъ!

— Нечего грѣха таить! Намъ извѣстно,

что отецъ дьяконъ очень часто сносился съ фрягами и другими еретиками... ну, а долго ли тутъ до грѣха? Подбили, навѣрное, его!

— Коли ужъ такъ! — сказалъ вдругъ рѣзко Емельяновъ: — то нечего и искать далѣе грѣховодника. Послѣ всего слышаннаго ясно, что отецъ дьяконъ состоитъ въ общенiи съ самимъ Вельзевуломъ... книга эта — плодъ ихъ адскихъ силъ! Во что бы ни стало, нужно тотчасъ же позаботиться, чтобы козни дьявола не могли причинить намъ бѣды!

— Такъ... да, такъ! — началъ одинъ изъ осторожныхъ писцовъ. — Однако кто можетъ намъ навѣрно доказать, что эта псалтирь, дѣйствительно, плодъ нечистыхъ силъ, содержитъ ересь? Коли окажется не такъ, то на насъ-же все обрушится, насъ же раздавятъ! Нужно ужъ за разумъ взяться и за дѣло, сперва выслѣдить... да, чуръ, пока отца дьякона не трогать... пока не будутъ очевидны улики!

— Что тамъ еще выслѣживать! — горячо заговорилъ Емельяновъ. — Развѣ уже не довольно того, что въ псалтири выходнаго листа нѣтъ? Развѣ такъ Божьи слуги поступаютъ? Нѣтъ! дѣйствовать надобно, по горячему слѣду гнать нужно... вотъ тогда и конецъ лютому звѣрю! Не такъ-ли, братцы?

Емельяновъ устремилъ на своихъ собра-

тій по ремеслу пламенный взоръ, думая ихъ воодушевить къ дѣйствію, но прочелъ на ихъ лицахъ одно недоумѣніе. Очевидно, они теперь вспомнили слова благочестиваго писца Троицкаго монастыря и замолкли.

— Ну, видно, братцы, — сказалъ Емельяновъ наконецъ: — быть по вашему! Сперва надобно выслѣдить! Небось, не уйдешь отъ насъ, отецъ дьяконъ, какъ-нибудь да зацѣпишься!

— Да, да, Емельяновъ... Это дѣло! выслѣдить, выслѣдить... тогда мы всѣ за одно примемся!

— Знамо дѣло, знамо! — отвѣчалъ сурово Емельяновъ.

Никто болѣе не хотѣлъ бесѣдовать, всѣ молча попрощались и разошлись. Только закадычный другъ Емельянова еще оставался въ домѣ. Оба просидѣли нѣсколько минутъ въ раздумьи.

— Ну, Емельяновъ, вотъ и не сладилъ, — началъ вдругъ Трофимовъ.

— Бѣда! не сладилъ! Самому придется сладить наше дѣльце... но какъ? Вотъ въ чемъ затрудняюсь! — Емельяновъ задумался... Вдругъ взглядъ его вспыхнулъ злобною радостью.

— Вотъ и дѣло! Мало-ли людей нынѣ волнуютъ умы, сѣютъ вредные слухи? Кто-же намъ помѣшаетъ указать и на дьякона

церкви Николо-Гостунской, Ивана Ѳедорова... а?

Трофимовъ въ ужасѣ отступилъ.

— Помилуй, Емельяновъ... дѣло это страшное! Того и гляди погубишь невиннаго человѣка, да и самъ на себя накликаешь бѣду и голову сложишь... Вѣдь не даромъ Москва цѣпенѣетъ въ страхѣ, льется кровь, въ монастыряхъ стонутъ жертвы... отъ ужаса и пытокъ даже бояре въ чужія земли бѣгутъ... а мы что? Ты объ этомъ подумалъ ли, Емельяновъ?

— Да чего тутъ думать? Вѣдь, все уже передумалъ!

— Вотъ то-то и дѣло, что князья Вишневецкіе служатъ примѣромъ и что они отъѣдутъ въ Литву, чтобы спастись отъ мучителей. Они, какъ ни глянь, все-таки измѣнники царя. Укажемъ, что Иванъ Ѳедоровъ, это дьявольское отродье, имѣетъ съ ними тайное сношеніе и даже, по слуху, намѣревается, въ грядущемъ друковать. Не ускользнуть ему тогда отъ пытки, а намъ вреда не будетъ!

— Да, вѣдь, дѣло страшное! Ты, Емельяновъ, помни, что и Петръ Тимофеевичъ Мстиславецъ одинъ изъ его клевретовъ. Если погубить Ивана Ѳедорова, не сдобровать и Петру Тимофеевичу и твоей Татьянѣ...

Онъ замолчалъ, вглядываясь проницательно въ лицо Емельянова.

Емельяновъ отступилъ и задумался. Вдругъ черты лица его приняли холодную, непреклонную неподвижность.

— Для нашего дѣла лучше, — произнесъ онъ хриплымъ шепотомъ: — коли и Петръ Тимофеевичъ раздѣлитъ судьбу Ивана Өедорова. Что онъ намъ? Нечего вспоминать и о Татьянѣ, намъ не о ней нужно думать! Нѣтъ, нѣтъ, нужно дѣльце уладить и за всѣхъ злодѣю отомстить... нельзя медлить и дать простынуть слѣду звѣря. Надо устроить такъ, чтобы никто не зналъ, что, именно, мы замыслили это...

— Коли ужъ такъ... такъ что-жъ! да какъ бы только безъ головы нео статься? — прошепталъ Трофимовъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Ну, нѣтъ! Мы имъ въ руки не дадимся! Немедленно настрочимъ писулю и поднаймемъ дозорщика, и не укроется отъ нихъ нашъ отецъ дьяконъ!.. Вреда намъ не будетъ!

— Пожалуй, это ты ладно придумалъ! сказалъ въ раздумьи Трофимовъ: — Коли строчить, такъ строчить!

Оба друга взялись тотчасъ же за дѣло. Вскорѣ большой листъ съ тяжкими обви-

неніями, достаточными погубить отца дьякона и его клевретовъ, былъ изготовленъ.

— А ну-ка, ну! Прочти самъ, какъ о нашемъ молодцѣ Ѳедоровѣ написано? — сказалъ Емельяновъ, подавая ему листъ съ доносомъ. Трофимовъ взялъ и прочелъ про себя.

— Хорошо, ей-ей, хорошо! сказалъ онъ... — Только, признаться, и боязно, о-охъ, какъ боязно мнѣ!

— Чего боязно-то? — спросилъ Емельяновъ. — Пойдемъ... Вѣдь, все хорошо написано, все указано... свеземъ его!

Оба друга поспѣшно вышли со двора и скрылись во мракѣ ночи, чтобы привести въ исполненіе свои гнусные замыслы.

Татьяна, окончивъ потчевать гостей съ какою-то грустью вошла въ свою комнату, смежную съ общей пріемной. Предаваясь своимъ думамъ, она вдругъ стала прислушиваться. Изъ общаго гула голосовъ гостей до ея слуха ясно долетѣло имя ея возлюбленнаго. Опять его имя! Что это значитъ? Она стала слушать съ величайшимъ вниманіемъ, но, къ своей досадѣ, не могла почти ничего разслышать, кромѣ общаго гула и отрывистыхъ восклицаній. Тѣмъ не менѣе, она была убѣждена, что какая-то опасность угрожаетъ Петру Тимофеевичу. Сердце дѣвушки усиленно билось...

Она ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, стараясь отгадать, въ чемъ дѣло.

— Вѣрно,—прошептала она:—не къ добру поминали имя Петра Тимофеевича и еще какого-то отца дьякона... но что мнѣ за дѣло до нихъ? — Желая затѣмъ думать о другомъ, она взялась за работу, но работа не спорилась. Она слышала, какъ гости отца, послѣ шумной бесѣды, вдругъ тихо распрощались; слышала и видѣла, какъ отецъ еще съ однимъ изъ гостей скоро скрылся во мракѣ ночи. Что это все значитъ? Она снова почувствовала себя охваченной прежнимъ безпокойствомъ и начала тревожно ходить по комнатѣ почти до изнеможенія.

— О, охъ какъ устала,—прошептала она: — пора спать! что же мнѣ ломать голову?.. вѣдь, есть-же Господь... есть совѣсть, такъ что-же?

Она пошла къ своей кровати и приготовилась спать. Однако мысль, что она среди ночи оставлена отцемъ одна въ домѣ, такъ страшила ее, что она не затушила тусклой лампочки и бросилась, не раздѣваясь, на постель, закутавшись плащемъ, чтобы такъ ждать до утра. Но тѣло требовало отдыха и возбужденное состояніе, въ которомъ она находилась, перешло въ какое-то оцѣпенѣніе. Вдругъ необычайный шорохъ вывелъ Татьяну изъ этого состоянія; сдѣлавъ надъ собой

усиліе, она проснулась, вскочила съ кровати и инстинктивно стала прислушиваться.

Полнѣйшая тишина! Прижимая руки къ лихорадочно-бьющемуся сердцу, она еще разъ оглянулась кругомъ и съ облегченіемъ вздохнула, не видя и не слыша ничего. Она снова улеглась. Но скоро шорохъ повторился сильнѣе и явственнѣе... Да, да, она не ошиблась! Взволнованная, дрожащая, она быстро вскочила. Взглядъ ея упалъ на оконницу, выходившую въ садъ, и со страхомъ увидѣла она очертаніе какого-то человѣка. Она повернулась уже, чтобы бѣжать къ дверямъ, какъ до ея слуха долетѣло имя ея: Таня! —

Она остановилась.

— Что это? сонъ или дѣйствительность? —Это голосъ ея милаго!

Сжавъ руками бьющіеся виски, Татьяна обернулась и, не смотря на тьму ночи, дѣйствительно разглядѣла подъ оконницей лицо Петра Тимофеевича.

Не отдавая себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, она подошла къ оконницѣ и едва слышно прошептала:

— Ты? ты, Петръ Тимофеевичъ? Ты и въ такой неурочный часъ?

Въ голосѣ ея звучали разнородныя чувства: упрекъ, негодованіе и, въ то же время, внутренняя радость.

— Ужъ не осуди! Прости! Вѣдь не познаю самъ себя! Непреодолимая сила влекла меня сюда, дабы тебя только узрѣть. Сжалься надо мною! Вѣдь, ты же люба мнѣ?

Онъ произнесъ эти слова такимъ нѣжнымъ, задушевнымъ голосомъ, что въ ея сердцѣ пробудилось къ нему горячее участіе, но она все-таки отступила назадъ, точно сопротивляясь. Она гордо выпрямилась:

— Коли я тебѣ люба, то ужъ нечего, среди тишины и безмолвія ночи подкрадываться подъ мою оконницу... этому ужъ мирволить не стану! Ступай! —

Она взволнованно перевела духъ и повернулась къ нему спиной.

— Татьянушка!.. Таня!.. почто благоволить не станешь? — услыхала она жалостный голосъ Петра Тимофеевича сквозь оконницу: — неужель забыла, какъ родитель твой враждебно ко мнѣ сталъ относиться?

— Охъ, какъ это забыть?! — сказала Татьяна и обернулась опять къ нему — Вотъ въ томъ-то и горе, не узнать болѣе моего родителя! Да, Петръ Тимофеевичъ, съ тѣхъ поръ, какъ тебя въ домѣ не стало, прошли мои красные денечки... да, да, чуетъ мое сердце, что кончено житье мое, красованье!..

Она утерла рукой навернувшіяся слезы.

— Татьянушка, что ты? — послышался ис-

пуганный голосъ Петра Тимофеевича.—Нечего отчаяваться... я же здѣсь... и коли я тебѣ милъ, открой же оконницу, чтобы я могъ узрѣть очи твои!..

Въ своемъ горѣ Татьяна все позабыла и, дѣйствительно, открыла окно.

Предъ открытымъ окномъ показалось теперь мужественное, доброе лицо Петра Тимофеевича.

— Татьянушка,—сказалъ Петръ, вглядываясь въ ея лицо и хватая ея руку: — не чаялъ я... что ты... въ горѣ проживаешь!..

— О, охъ, Петръ Тимофеевичъ,—сказала Татьяна съ нѣкоторой тревогой, оглядываясь кругомъ и невольно понижая голосъ:—съ тѣхъ поръ, какъ тебя нѣтъ, пошли хлопоты, заботы, и по вечерамъ вѣчные гости у родителя, и льются рѣкою рѣчи ихъ о какихъ-то сатанинскихъ силахъ, о томъ, чего ожидать, коль учинятъ адскую книгу тисненія... и сегодня... о, Боже!.. такъ гудѣли голоса этихъ писцовъ! Да, и знать тебѣ надо еще, что... о... о... не къ добру!

— Да, ну, ну, что такое? Говори, голубушка моя, скорѣе про горе свое!

— Да, вѣрно, не къ добру!—таинственно пролепетала Татьяна, склоняя къ нему на плечо свою хорошенькую головку:—охъ, какъ боязно мнѣ изъ-за тебя! Вѣдь, сегодня ве-

черомъ, среди толковъ всѣхъ писцовъ слышно было и твое имя!

— Мое имя? — съ изумленіемъ спросилъ Петръ Тимофеевичъ.

— Да, да, твое имя,—повторила тревожно Татьяна:—и еще упомянули какого-то дьякона Өедорова... что это значитъ?

Лицо Петра Тимофеевича вдругъ стало задумчиво.

— Имя дьякона Ивана Өедорова?— спросилъ онъ ужъ не безъ волненія.

— Ужъ, вѣрно, такъ!—подтвердила Татьяна:—да чего еще прежде не бывало,—продолжала она:—отецъ поздно ночью вышелъ изъ дому и оставилъ меня одну одинешеньку... жду, не дождусь его возвращенія...

Она не договорила, прислушалась и содрогнулась...

— Что съ тобой?—спросилъ съ удивленіемъ Петръ.

— Тише! Отецъ... бѣги скорѣе!

Въ ночной тишинѣ, до ея слуха донесся явственно шумъ отодвигаемыхъ задвижекъ и скрипъ воротъ.

— Что медлишь? спѣши же... о, Боже, боюсь!

— Татьяна,—сказалъ онъ торжественно, и голосъ его дрогнулъ: — видно, воля Божія, что на насъ бѣда идетъ... но не отчаи-

вайся... среди заботъ моихъ не забуду тебя... давай же руку, что и ты не измѣнишь мнѣ!

— Жить съ тобой... все мое счастье!

— Будемъ вѣрить, что Господь просвѣтитъ разумъ отца твоего, смягчитъ его сердце и что приведетъ онъ намъ свидѣться, и тогда мы не разстанемся до самой смерти!

— До самой смерти!—какъ легкій вздохъ, сорвалось съ устъ Татьяны.

Петръ Тимофеевичъ съ восторгомъ обвилъ руками шею Татьяны, и уста ихъ соединились...

Вырвавшись изъ его объятій, она быстро захлопнула оконницу, затушила лампочку, безшумно скользнула въ постель и, не смотря на всѣ пережитыя волненія, скоро заснула со счастливой улыбкой на устахъ.

III.

19-го Апрѣля 1563 г.

По завоеваніи Казани и Астрахани царь Іоаннъ значительно возмужалъ, какъ правитель, и сталъ тяготиться своими совѣтниками, которые часто не сочувствовали его мѣрамъ управленія. Не сомнѣваясь въ ихъ ревности ко благу Россіи, Іоаннъ началъ сомнѣваться въ ихъ личной привязанности къ нему. Къ этому подали поводъ и сами любимцы царя, Сильвестръ и Адашевъ. Самодержавный Іоаннъ не могъ забыть душевныхъ мукъ своихъ, когда, во время его тяжкой болѣзни, бояре, отчаявшись въ его выздоровленіи, подняли вопросъ о престолонаслѣдіи. Они не хотѣли присягать юному сыну его, Дмитрію, боясь гибельной боярской распри, которая могла возникнуть въ малолѣтство Дмитрія, и задумали возложить вѣнецъ на главу брата

Іоаннова, Владиміра Андреевича. Естественно, что Іоаннъ, по выздоровленіи, сталъ уже смотрѣть на прежняхъ любимцевъ, Адашева и Сильвестра, которые тоже стояли за Владиміра, какъ на своихъ недоброжелателей; они были удалены отъ двора. Мѣсто прежнихъ совѣтниковъ заняли ихъ враги, люди недостойные. Вскорѣ умерла супруга Іоанна, Анастасія Романова, и царь всецѣло подпалъ подъ вліяніе дурныхъ совѣтниковъ, такъ какъ его второй бракъ не былъ такъ счастливъ, какъ первый. Марья Темрюковна, дочь черкесскаго князя, плѣнивъ царя одной только красотой, не замѣнила царицы Анастасіи ни въ сердцѣ Іоанна, ни въ дѣлахъ государственныхъ. Царица Марія, дикая нравомъ, жестокая душею, еще болѣе способствовала развитію въ Іоаннѣ дурныхъ наклонностей. Любовь царя къ своей второй супругѣ скоро простыла. Не стѣсняемый болѣе вліяніемъ достойныхъ совѣтниковъ и любимой жены, Іоаннъ началъ искать развлеченія въ шумныхъ пирахъ и давать полную волю своему крутому характеру. Мало-по-малу въ немъ развивалась подозрительность. Болѣзненное воображеніе вездѣ видѣло козни, измѣны бояръ.

Въ такомъ настроеніи духа находился Іоаннъ и сегодня, сидя въ своей рабочей па-

латѣ и разбирая свертки, лежавшіе предъ нимъ на столѣ. Выбравъ одинъ изъ нихъ, онъ снялъ печать и приступилъ къ чтенію. Прочитавъ нѣсколько словъ, онъ съ озлобленіемъ швырнулъ бумагу на столъ, быстро всталъ съ мѣста и заходилъ по палатѣ тяжелыми шагами.

— Куда ни обернись, — прошепталъ онъ мрачно: — всюду обманъ и измѣна, мерзость запустѣнія! На видъ... да, на видъ — всѣ слуги вѣрные! А въ душѣ каждый изъ нихъ готовъ продать своего царя, не хуже послѣдняго холопа!.. Ну, да ладно, не уйдете отъ меня... не бойтесь! — Видъ его сталъ страшенъ.

— Гриша!

Со стороны пріемной государевой палаты отворилась дверь, и появился Григорій Лукьяновичъ Малюта-Скуратовъ. Увидя нахмуренный лобъ царя, онъ почтительно остановился. Іоаннъ подошелъ къ нему и устремилъ на него пристальный взоръ.

— Гриша, — сказалъ онъ наконецъ: — пришли плохія времена! Много тяжкихъ испытаній пало на мою душу и всѣ разомъ... Знаю, сколько у меня недоброжелателей... а горше всего то, что никто за ними не смотритъ!

— Какъ, государь? Развѣ мы...

— Да, да, мы... мы! — перебилъ его Іоаннъ

иронически. — А тебѣ, напримѣръ, вѣдомо, что опять двое изъ бояръ загубили измѣной свою душу, спасая бренное тѣло бѣгствомъ... злодѣи отъѣхали въ Литву, чуя, что ихъ не можетъ носить земля русская?

— Кто же эти...?

— Не меня бы о томъ слѣдовало спрашивать, кто изъ бояръ способенъ къ измѣнѣ и готовъ бѣжать въ Литву... На васъ ужъ, видно, нечего полагаться и надѣяться! Не ты и не твои лѣнивые клевреты, а Господь всемилостивый сохранитъ землю русскую и не оставитъ своего помазанника!

Іоаннъ провелъ рукою по лбу, какъ бы стараясь отдѣлаться отъ какой-то тревожившей его мысли, и началъ безпокойно ходить по комнатѣ. Потомъ онъ опять остановился противъ Малюты.

— Такъ вотъ, Гриша! надо же подумать, что намъ дѣлать?

— Что повелишь чинить, учинимъ, государь! Мы служимъ тебѣ попросту...

— Да, да! теперь ты учинишь все, — сказалъ Іоаннъ: — а раньше не могъ узнать, гдѣ кроется измѣна, гдѣ бесѣдуютъ и совѣщаются по ночамъ и говорятъ о нашихъ мнимыхъ жестокостяхъ! Безстыдная ложь! Не губимъ сильныхъ во Израилѣ; ихъ кровью не обагряемъ церквей Божіихъ: сильные, доб-

родѣтельные здравствуютъ и служатъ намъ! Казнимъ однихъ измѣнниковъ — да какъ же и щадить ихъ? Константинъ Великій не пощадилъ и сына своего! Какъ ни привыкъ я къ тебѣ, Григорій, но коли усмотрю въ тебѣ крамолу хитрую, то и тебя безъ милости казню! — произнесъ твердо Іоаннъ, устремляя взоръ прямо въ очи Малюты.

Малюта вздрогнулъ.

— Измѣна разлилась, — продолжалъ Іоаннъ, присаживаясь къ столу: — такъ я самъ теперь распоряжусь! Я ужъ не младенецъ! Имѣю нужду только въ милости Божіей, Пречистыя Дѣвы Маріи и святыхъ угодниковъ: наставленія человѣческаго не требую. Вы все еще во тьмѣ коварствуете... но мы...

— Скажи, государь, коли въ чемъ слукавилъ! — рѣзко перебилъ Малюта. — Ищу и убиваюсь въ розыскахъ!

— Да ты... какъ смѣешь своему государю такъ отвѣтъ держать? — вспылилъ Іоаннъ. — Ты допустилъ, что, въ примѣръ другимъ, Алексѣй и Гаврило Черкасскіе уѣхали ко врагу нашему? Видно, по ночамъ ужъ не запираютъ въ моемъ градѣ рѣшетокъ, какъ мы указали? Ну... такъ и быть! Теперь не вели на время по улицамъ запирать рогатокъ, покажемъ, что не страшимся враговъ нашихъ, что Русь благоденствуетъ, что бояре мои живутъ въ

любви и согласіи, но тебѣ, — произнесъ онъ грозно и такъ страшно глядя въ очи Малюты, что по жиламъ его пробѣжалъ холодъ — не буду мироволить, коли не съумѣешь изобличить измѣны! Смотри, мы рубимъ сучья да вѣтви, а самый стволъ съ корнемъ оставляемъ здоровехонькимъ!

— Коли прикажешь, государь, срублю — и глазомъ не сморгну — стволъ и вырву корень измѣны?..

Лицо Іоанна, дотолѣ грозное, прояснилось. Онъ отеръ потъ съ чела и сказалъ тихо, но холодно:

— Ну, такъ не надо медлить! Вижу, что придется мнѣ васъ учить уму-разуму. Такъ вотъ прими мой сказъ: рогатокъ не ставить болѣе по улицамъ... но въ темныхъ мѣстахъ разставить стражу и устроить засаду, чтобы примѣчали, гдѣ ночью бываютъ скопища! Пусть вездѣ шарятъ и по Кремлю, не завелась ли гдѣ измѣна! Взять въ розыскъ можешь всѣхъ и всю службу твоего государя, но кого зазришь, не пытать безъ моего вѣдома, пока не велю! Ты теперича, навѣрно, уразумѣлъ ту службу, которой я жду отъ тебя, такъ что скажешь?

— Твою волю, государь, я уразумѣлъ и исполню! Никого не пощажу, ни передъ чѣмъ не остановлюсь, лишь бы дознаться правды!

— Добрый твой отвѣтъ, Гриша!—сказалъ Іоаннъ, одобрительно кивнувъ головою:—такъ будь же вѣрнымъ слугой! Не кровопійца—я! Проливая кровь, я заливаюсь слезами! Чѣмъ было отечество въ наше малолѣтство? Пустыней отъ востока до запада. А мы устроили села и грады тамъ, гдѣ обитали дикіе звѣри. Чтобы продолжать спокойно начатое, надо вырвать корень измѣны!

— Слово твое, государь, истинно! Все, по глаголу твоему, исполнится... ужь положись на меня... Вотъ видишь, государь, еще прошлую ночь убивался въ розыскахъ!

— А!? — протянулъ многозначительно Іоаннъ, сверкая глазами: — Какъ такъ?

— Да вотъ! Подкинутъ былъ намедни ночью невѣдомо кѣмъ доносъ, что дьяконъ Николо-Гостунской церкви, Иванъ Ѳедоровъ, задумалъ государство мутить... взялъ на душу даже грѣхъ колдовства.

— Дьяконъ кремлевской церкви Николо-Гостунской? А!?—спросилъ царь съ удивленіемъ.

— Онъ самый! — отвѣчалъ Малюта.

— Такъ что ты чинилъ съ нимъ?

— Собралъ его на розыскъ! На пристрастномъ допросѣ дастъ всѣ указанія своего грѣха!..

— О, о... охъ! Велика злоба князя міра

сего!—сказалъ Іоаннъ, поднявъ взоръ свой къ небу.—Онъ, подобно льву рыкающему, ходитъ вокругъ, ищуще пожрати мя и даже въ духовномъ синклитѣ моемъ находя усердныхъ слугъ себѣ! Но уповаю на милость Божію... я имъ не поддамся... уготовлю имъ заслуженную кару! Вотъ, Гриша, такъ и знай! Ступай допрашивать его и, коли злодѣй сознается, жду доклада! Ступай! да пошли ко мнѣ князя Вяземскаго!

Князь не замедлилъ войти въ рабочую государеву палату. Переступивъ порогъ, онъ ударилъ челомъ государю и всталъ въ ожиданіи слова его.

— Здравствуй, Аѳоня! — сказалъ Іоаннъ: — что новаго у тебя? Ничего?

— Да вотъ, государь, есть дѣло: зодчій твой Петръ Фрязинъ да Марко говорятъ, что они теперича все учинили по твоему приказу; палата для печатнаго дѣла окончена. Что нынѣ изволишь указать имъ дѣлать?

— Ну, слава Богу, что учинили наконецъ! — отвѣчалъ Іоаннъ:—скучать имъ случая не предвидится. Въ головѣ у меня многія постройки зиждутся... но на все дѣло то много, много казны надо! Хотѣлось бы мнѣ, взамѣнъ деревянныхъ стѣнъ, насыпанныхъ внутри землею съ пескомъ, обнести города стѣ-

ною каменною съ могучими стрѣльницами, но откуда взять такой большой казны, чтобы учинить всѣ стѣны такъ, какъ въ нашемъ градѣ? Вотъ въ чемъ дѣло! Ну, что же? подождемъ пока! Замышляю, прежде всего, дворъ себѣ поставить за городкомъ, за Неглинною, межъ Арбатской и Никитской улицъ, отъ того мѣста, гдѣ церковь Великомученика Дмитрія, да храмъ Петра и Павла, и сдѣлать каменную ограду вокругъ двора, чтобы все уподоблялось неприступной крѣпости, дабы считать въ немъ себя безопаснымъ. Сколько воровъ ни казнилъ, а не вывелась еще на Руси измѣна! — сказалъ онъ грозно, и черты его судорожно задвигались.

— Мы, государь, развѣ тебѣ не служимъ вѣрою и правдою? развѣ...

— Вѣрою и правдою!—вскричалъ Іоаннъ, перебивая Вяземскаго, и глаза его засверкали, словно угли: — а, между тѣмъ, не перестаютъ злодѣйствовать! Воеводы не хотятъ быть защитниками христіанъ, удаляются отъ службы, даютъ хану, Литвѣ, Нѣмцамъ терзать Россію!.. Вотъ ваша вѣра и правда!

— Ты, государь,—сказалъ, низко кланяясь, Вяземскій:—нашъ Владыка, Богомъ данный, такъ казни своихъ лиходѣевъ: въ животѣ и смерти воля твоя! Укажешь намъ своихъ

измѣнниковъ... мы истребимъ ихъ всѣхъ до единаго!

Чело Іоанна прояснилось.

— Коли хочешь мнѣ служить, долженъ присягнуть: не дружиться съ измѣнниками, не водить съ ними хлѣба-соли, не знать ни отца, ни матери, а знать меня, единаго твоего государя!

— Все исполню, что прикажешь, да будетъ мнѣ свята воля твоя! — твердо сказалъ Вяземскій.

— Ну, такъ вотъ, знай свое дѣло!—сказалъ Іоаннъ, обрадованный отвѣтомъ любимца. Отвѣты Вяземскаго и Малюты дали мыслямъ его новое направленіе.

— Такъ ты говоришь, что учинили дворъ для печатнаго дѣла?

— Такъ, государь!

— У тебя всѣ художники подъ рукою, такъ нѣтъ ли у тебя на примѣтѣ и человѣка искуснаго въ печатномъ дѣлѣ? Вотъ учинили по этому дѣлу дворъ... а откуда намъ теперича взять для этого людей, наученныхъ друкарскому дѣлу?

— Да, кромѣ зодчихъ, денежниковъ, литейщиковъ, мало-ли художниковъ и ремесленниковъ съ разумомъ въ Москвѣ?

— Знамо, знамо... но вотъ что, не надо пускать туда чужестранцевъ, нужны люди

воистину Христовы... слуги надежные, а не лицемѣры, подобные Миссенгейму и Шмиту. Понадобится для сего дѣла русскій, разумѣющій чужеземные языки, особенно греческій да и лат....

Іоаннъ не успѣлъ договорить, какъ раздались чьи-то спѣшные шаги въ сѣняхъ, и Малюта-Скуратовъ впопыхахъ вошелъ въ палату.

— Великій государь!—вскричалъ Малюта, едва переводя духъ: — открыли вѣдь мы... дѣло неслыханное.... неслыханныя сатанинскія затѣи!

— Что, что открыли? Что? Говори толкомъ! — крикнулъ Іоаннъ, быстро подходя къ Малютѣ.

— Да вотъ, государь! дьяконъ церкви Николо-Гостунской, который именуется Иваномъ Ѳедоровымъ, душей своей кривитъ, состоитъ въ общеніи съ самимъ Вельзевуломъ! Кто-же, какъ не этотъ князь тьмы, могъ повелѣть ему учинить друкарство, выдруковать русскую псалтирь!

— Русскую псалтирь? спросилъ недовѣрчиво Іоаннъ. — Полно, правду ли ты глаголешь? Не помутилось ли у тебя въ головѣ?

— Государь, кладу голову порукой въ рѣчахъ моихъ! — отвѣчалъ Малюта рѣши-

тельно. — Не боюсь я смерти, боюсь я кривды! Казнить меня — твоя воля! Самъ видѣлъ псалтирь! Дьяконъ и сознался, что самъ измыслилъ, самъ изготовилъ весь букварь... и какъ еще готовилъ, что и глядѣть страшно! Готовилъ ужъ не иначе, какъ адскими силами! Псалтирь во всей чистотѣ и правильности московскаго пошиба, во всѣхъ буквахъ и знакахъ!

— И, дѣйствительно, такъ? — спросилъ Іоаннъ, покачивая въ раздумьи головой.

— Ей-ей, такъ, какъ Богъ святъ! коли его пытать, такъ по ниткѣ до клубка дойдемъ! Пойду допрошу его съ пристрастіемъ.

Малюта уже хотѣлъ исполнить свое намѣреніе и повернулся къ двери. Это движеніе вывело Іоанна изъ задумчивости.

— Стой! Не смѣй пытать! Ты отвѣчаешь за него головой! Чуетъ душа моя, что здѣсь не навожденіе сатаны, а перстъ Божій! Видно, Господь услышалъ молитву мою... указалъ, кого благоволилъ избрать, чтобы слово Его размножалось въ наученіе людямъ Великой Руси! Сейчасъ пойдите оба, представьте мнѣ избраннаго Богомъ отца дьякона. Хочу самъ повидать его, самъ допросить!

Пораженный неожиданнымъ проявленіемъ, вмѣсто гнѣва, царской милости къ дьякону, Малюта, не мало смущенный, вмѣстѣ съ

княземъ Вяземскимъ отправился исполнять приказъ Іоанна.

Прошла добрая четверть часа, пока опять двери палаты растворились, и князь Вяземскій ввелъ отца дьякона, Ивана Өедорова, статнаго мужчину, повидимому, лѣтъ сорока.

Переступивъ порогъ палаты, Иванъ Өедоровъ, съ открытымъ лицомъ, безъ всякаго замѣшательства, отвѣсилъ царю три земныхъ поклона.

Царь Іоаннъ пристально посмотрѣлъ на Өедорова. Казалось, онъ изучалъ выраженіе его лица. Смѣривъ его еще разъ съ головы до ногъ испытующимъ взглядомъ, царь видимо успокоился. Помолчавъ еще немного, царь вдругъ поманилъ дьякона рукою.

— Становись къ отвѣту! Кривилъ ли ты душой своей, взялъ ли ты на себя грѣхъ колдовства?

И опять онъ вперилъ въ Өедорова испытующій взоръ, желая проникнуть въ самую глубь души его. Өедоровъ выдержалъ этотъ взоръ спокойно, хотя былъ блѣденъ; очи царя заставляли подкашиваться колѣна и князей, и бояръ и открывать тайны ихъ очерствѣлой совѣсти.

— Государь! — сказалъ онъ твердо и съ достоинствомъ невиннаго человѣка: — кабы взялъ на душу грѣхъ колдовства, то ужъ

врядъ-ли стоялъ бы нынѣ здѣсь передъ твоимъ свѣтлымъ царскимъ ликомъ!

— Но ты, какъ донесли мнѣ, чернокнижникъ, — усмѣхнулся Іоаннъ: — чинишь книги сатанинскими силами и этимъ смущаешь духъ не токмо народа, но и нашего синклита!

— Не свѣдущъ я въ чернокнижіи, государь! Что учинилъ учебную псалтирь, нечего правды таить. Коли ужъ грѣхъ, такъ мой грѣхъ! Но чинилъ я псалтирь безъ всякаго душегубства, по своему разуму, безъ всякихъ невѣдомыхъ адскихъ силъ!

— Да какъ же ты, отецъ дьяконъ, дошелъ до того, — спросилъ не безъ оттѣнка подозрѣнія Іоаннъ: — что могъ выдруковать учительную псалтирь?

— Бью челомъ тебѣ, великій государь, прикажи слово молвить?

— Говори!

— Изволишь ли помнить, государь великій, былъ въ Москвѣ, въ 1552 году, Гансъ Миссенгеймъ, присланной датскимъ королемъ, какъ толкуютъ, съ порученіемъ предложить твоей царской милости принять протестанство и, ради этого, ввести друкарство, въ которомъ былъ свѣдущъ? Вотъ тогда-то стало обидно православной душѣ моей, и началъ я размышлять, какъ бы выдруковать книгу-евангеліе учительное во славу Господу Богу,

въ Троицѣ Единому, и въ наученіе православныхъ христіанъ закону нашему греческому. Водилъ я послѣ того съ фрягами хлѣбъ-соль, послушивалъ, заимствовалъ сколько могъ... ну, вотъ и дошелъ я такъ самъ, своимъ разумомъ, до попытки своими малыми и неискусными начертаніями выдруковать псалтирь. Не мыслится мнѣ, чтобы въ томъ былъ грѣхъ... ну, коли въ очахъ твоихъ, государь, замыселъ мой преступенъ... казни по твоей царской волѣ!

При этихъ словахъ отецъ дьяконъ опустился передъ Іоанномъ на колѣни и поклонился въ землю. Царь посмотрѣлъ на Ѳедорова и задумался. Вдругъ онъ потрепалъ отца дьякона по плечу.

— Не за что казнить тебя! — сказалъ онъ благосклонно: — ты слуга Божій... такихъ-то просвѣщенныхъ слугъ мнѣ и надо! Чужеземные языки тоже разумѣешь?

— Разумѣю латинскій и греческій языки исправно, но и не чуждъ, по моему разуму, фряжскаго, польскаго и нѣмецкаго языковъ!

— Это важное дѣло! На толмачей трудно полагаться. Въ приказѣ у меня уже не мало дьяковъ искусныхъ, но нѣтъ ни одного, который разумѣлъ бы такъ много языковъ. Да, какъ же ты, отецъ дьяконъ, — продолжалъ Іоаннъ вдругъ рѣзко: — сталъ такимъ разумнымъ? Аль на чужбинѣ бывалъ?

Въ глазахъ Іоанна промелькнула снова тѣнь подозрѣнія.

— Нѣтъ, государь! — спокойно сказалъ Ѳедоровъ. — Мало странствовалъ я по бѣлу свѣту! Чужеземнымъ языкамъ научился я въ греческой слободѣ, въ твоемъ-же градѣ. Не мало тамъ мастеровъ всякаго рода. Ради друкарскихъ дѣлъ пришлось разумѣть чужіе языки, дабы исправно выдруковать книгу, къ тому же самому пришлось соорудить формы словолитни.

— Достохвально... даже очень достохвально! — сказалъ Іоаннъ, продолжая однако все еще глядѣть на отца дьякона подозрительно...

— Коли ты, отецъ дьяконъ, уже давно извыченъ въ друкарскомъ дѣлѣ, такъ почему же не приблизился въ тѣ поры къ людямъ государевымъ, или къ бывшему іерею Сильвестру? По своему сану и разуму, онъ могъ тебѣ споспѣшествовать во благо? — спросилъ царь, пронзая Ѳедорова испытующимъ окомъ.

— Государь! — сказалъ со смиреннымъ достоинствомъ отецъ діаконъ: — дѣло Божіе! Не гнѣвись, что не пытался бить челомъ твоимъ сановникамъ и боярамъ... коли дѣло Божіе, то намъ нечего доискиваться и добиваться милости людской!

Недовѣрчивое выраженіе Іоанна смягчилось, лицо его прояснилось.

— Слово твое истинно, отче дьяконъ!— сказалъ онъ съ довольнымъ видомъ: — дѣлу Божьему не любо сладкорѣчіе лукавыхъ лицемѣровъ... самъ пути исправно добьешься. Вотъ тѣмъ ты мнѣ и любъ сталъ, что окольною дорогою не пошелъ! Ты пришелся мнѣ по нраву... вотъ и вѣрю я тебѣ... ты меня не продашь и вѣру христіанскую нашу не погубишь! Грѣхъ тѣмъ, которые на тебя доносъ строчили..... На нихъ разразится громъ Божій! Но я тебя поставлю въ своемъ виноградникѣ воздѣлывать виноградъ мой. Хочешь служить мнѣ вѣрою и правдою, чинить друкарское дѣло къ вящшей славѣ Создателя, Владыки Бога и Отца, Господа нашего Іисуса Христа?

Милость царя глубоко тронула отца дьякона, Ивана Ѳедорова. Онъ поклонился въ землю и поцѣловалъ царскую руку.

— Государь! не заслужилъ я еще твоей великой милости, но коли изволишь назначить и меня дѣлателемъ... въ царствѣ твоемъ— воля твоя!

— Такъ вотъ, отче дьяконъ... дѣла ужъ болѣе не станемъ откладывать! Дамъ я тебѣ и людей, и казны, сколько нужно. Постройки для друкарства окончены, все сдѣлано, какъ нами въ свое время указано было по черте-

жамъ саксонца Шмита, которому самому, изъ-за завистливой политики Ганзы и Ливонскаго ордена, не удалось мнѣ служить. Теперь... ты устрой все, какъ вѣдомо тебѣ. Но трудно одному тебѣ управляться! Въ сподручники къ себѣ кого хочешь взять?

— Я просилъ бы Петра Тимофеевича Мстиславца!

— Что онъ за человѣкъ?

— Да какъ тебѣ, государь, донести?.. онъ мой подручный, родомъ изъ града Мстиславля....

— Какъ... какъ? ты баешь изъ Мстиславля... значитъ, изъ Бѣлой Руси... изъ литовскихъ странъ... такъ, видно, отъ него Литвою пахнетъ? — сказалъ Іоаннъ и нахмурился.

— Великій государь, дозволь слово молвить?

— Слушаю!

— Петру Тимофеевичу не вѣдомы литовскія хитрости, простой онъ человѣкъ, въ градѣ твоемъ пришлецъ. Какъ сыну святой Руси, дорога ему слава Москвы и ея великаго царя, Іоанна Васильевича. Вотъ и въ немъ только одно стремленіе: учинить друкарство въ царствуюшемъ градѣ твоемъ, какъ оно уже учинено въ Виницѣ, и во Фригіи и въ литовскихъ странахъ. Петръ Тимофеевичъ родомъ изъ тѣхъ странъ, куда русское печатное дѣло перенесено изъ Чехіи и гдѣ нашли пріютъ

благодѣтельныя дѣла первыхъ опытовъ славянскаго печатанія Фіоля и Скорины.

Слова дьякона, казалось, успокоили недовѣрчивость Іоанна; нахмуренныя брови его незамѣтно разгладились.

— Коли твой Петръ Тимофеевичъ человѣкъ исправный... безъ хитрости и лицемѣрія, такъ быть по твоему! Мнѣ же любо, чтобы градъ мой и особенно печатная правильня постоянно наполнялись людьми наиболѣе искусными и разумными, которые подлинно и достохвально свѣдущи въ книжномъ дѣлѣ. Такъ вотъ, отче дьяконъ, будетъ тебѣ наказъ: примись за дѣло и исполни волю мою, не жалѣя казны, чтобы учинить все изрядно. Ступай теперь съ Богомъ, берись за дѣло Божіе безъ людского страха и донеси мнѣ, какъ можно скорѣе, что учинилъ и скоро ли настанетъ часъ пущать во всю Русскую землю печатныя книги, ради крѣпкаго исправленія и утвержденія святаго слова Божія! И вы оба, — прибавилъ Іоаннъ, глядя на Малюту и князя Вяземскаго: — слышавшіе наши рѣчи, помыслите, какъ лучше благоустроитъ всѣ дѣла, дабы не заслужить гнѣва моего. Ступайте всѣ, каждый къ своему дѣлу!

Съ энергіей и любовью отецъ дьяконъ, Иванъ Ѳедоровъ, посвятилъ себя новому дѣлу по устройству книгопечатанія въ Великой

Руси. Изучивъ новое искусство до замѣчательнаго совершенства, онъ самъ не только былъ печатникомъ, но и словолитцемъ и пунсонщикомъ.

Знакомый съ Максимомъ Грекомъ, который, съ 1553 г., послѣдніе годы своей жизни проживалъ въ Сергіевской Лаврѣ и ранѣе имѣвши случай въ Венеціи изучить книгопечатаніе при личномъ знакомствѣ съ Альдомъ Мануціемъ, отецъ дьяконъ Ѳедоровъ пользовался теперь, при основаніи первой книгопечатни въ Москвѣ, тѣми указаніями, которыя, при собесѣдованіяхъ, были даны ему этимъ яркимъ свѣточемъ православія. Поэтому понятно и вліяніе, которое итальянскіе книгопечатники должны были имѣть въ устройствѣ печатнаго дѣла въ Москвѣ.

Первые московскіе печатники получили, повидимому, свою подготовку не отъ нѣмцевъ, а изъ Италіи. Доказательствомъ тому могутъ служить не только тѣ украшенія первопечатныхъ московскихъ изданій, которыя заимствованы изъ венеціанскихъ и южнославянскихъ изданій, но и венеціанскіе термины и техническія названія, встрѣчающіяся въ древнихъ документахъ и послѣсловіяхъ къ первымъ печатнымъ изданіямъ.

Когда Максима Грека не стало († 21 ян-

варя 1556 г.), отецъ дьяконъ всѣ свои свободные часы посвятилъ изученію сочиненій этого, именуемаго »свирѣлью благогласною«, подвижника. Впечатлѣніе, которое онъ вынесъ, изучая сочиненія Максима Грека, не разъ впослѣдствіи выразилось заимствованіемъ не только многихъ выраженій, но и нѣкоторыхъ мѣстъ. Въ стремленіи распространять слово Божіе, устроить книгопечатню въ Москвѣ, Иванъ Ѳедоровъ былъ усердно поддерживаемъ своимъ сподручнымъ, Петромъ Тимофеевичемъ Мстиславцемъ. При общемъ содѣйствіи всѣхъ своихъ клевретовъ — современное названіе всѣхъ тѣхъ, которые помогали Ивану Ѳедорову въ устройствѣ печатнаго дѣла—отецъ дьяконъ уже въ апрѣлѣ 1563 г. могъ донести государю, что все учинено по его волѣ.

Итакъ настaлъ день, а, именно, 19-го апрѣля отъ сотворенія міра семь тысячъ семьдесятъ перваго года или, по нынѣшнему счисленію, 1563-го года, когда было приступлено къ тисненію первой въ Великой Руси печатной книги.

У воротъ печатнаго двора, на Никольской улицѣ, уже съ утра толпился разношерстный людъ. И какъ же могло быть иначе? По всей Москвѣ разнеслась вѣсть, что сегодня освятятъ помѣщеніе для печатнаго двора, и

самъ царь Великой Руси присутствовать изволитъ.

Торжество дня не мало радовало всѣхъ вѣрныхъ сотрудниковъ отца дьякона. Но много было и такихъ, которые въ этомъ подвигѣ видѣли только сатанинскія козни для сокрушенія Великой Руси. Къ числу такихъ лицъ относился весь классъ писцовъ-промышленниковъ и во главѣ ихъ нашъ Емельяновъ. Съ понуренной головой, съ помраченнымъ взглядомъ присутствовали они при встрѣчѣ царя около печатнаго двора и осыпали мысленно виновника всего торжества проклятіями ада. Они утѣшались лишь тѣмъ, что, быть можетъ, имъ еще удастся помѣшать этимъ дьявольскимъ затѣямъ. А пока отецъ дьяконъ, Иванъ Ѳедоровъ, не тревожимый подобными покушеніями своихъ недоброжалателей, писцовъ-промышленниковъ, встрѣтилъ прибывшаго царя Іоанна Васильевича, предшествуемаго митрополитомъ, епископами и духовенствомъ Мѵроносицкой церкви со святою иконою Женъ мѵроносицъ.

Тотчасъ началось молебствіе и освященіе печатнаго двора. Внутренній видъ строенія великолѣпіемъ соотвѣтствовалъ внѣшнему его виду. Новопристроенныя передовыя палаты заключали внутри четыре главныхъ учреж-

денія. Въ верхнихъ жильяхъ находились приказъ и правильня, а внизу двѣ книгопечатни, каждая съ 4-мя станками. Потолки, стѣны и окна всѣхъ помѣщеній были расписаны по молочному и желтому фону клеевыми и отчасти масляными красками крупными разноколерными цвѣтами фантастическаго рисунка. Поставленные въ нихъ типографскіе станки, состоявшіе изъ двухъ высокихъ деревянныхъ столбовъ съ шатромъ, между которыми помѣщались мѣдныя и желѣзныя печатныя снасти, были украшены позолоченною рѣзьбою и расписаны дорогими красками съ серебромъ и золотомъ. За исключеніемъ сторожевой избы, стоявшей у воротъ, въ печатномъ дворѣ не находилось никакихъ собственно жилыхъ помѣщеній. Для монашествующихъ справщиковъ предназначены были кельи на Троицкомъ подворьѣ, въ Кремлѣ. Прочіе чины и мастеровые должны были жить на вольныхъ квартирахъ или селились въ особой Печатной слободѣ, у Срѣтенскихъ воротъ, при церкви Успенія.

Обойдя со святыми иконами всѣ помѣщенія палаты, царь Іоаннъ приказалъ отцу дьякону, Ивану Ѳедорову, собрать справщиковъ, чтецовъ, подъячихъ и всѣхъ чиновъ мастеровыхъ печатнаго двора въ нижнихъ книгопечатняхъ и приступить къ печатанію

перваго памятника нашего книгопечатанія: »Дѣяній Апостольскихъ«.

Когда, по волѣ царя, всѣ немедленно собрались на свои мѣста, Иванъ Ѳедоровъ поклонился царю Іоанну до земли и громогласно сказалъ: — Божіемъ благоволеніемъ и молитвами Пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ, по повелѣнію благочестиваго царя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Россіи, удостоимся мы нынѣ, во славу Господа Бога, выдруковать книгу »Дѣяній Апостольскихъ«.

Поклонившись опять до земли, онъ тотчасъ-же приказалъ своимъ наборщикамъ набрать первый листъ въ присутствіи царя и самъ немедленно приступилъ къ тисненію перваго листа. Подъ ловкими руками Ѳедорова первый листъ былъ скоро напечатанъ и торжественно, на красномъ сукнѣ, представленъ царю.

Съ какими разнородными чувствами принялъ Іоаннъ этотъ первый листъ печатнаго двора? Внимательно разсмотрѣвъ его, онъ благосклонно кивнулъ головой и сказалъ: — Хвала Небесному, который способствовалъ учинить отъ письменныхъ книгъ печатныя, дабы впредь святыя книги излагались правильно! По сему повелѣваю я тебѣ, отче дьяконъ, принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы правильня наполнялась постоянно людьми

разумными, извычными книжному ученію, грамматикѣ и риторіи. Молю васъ всѣхъ, Божіи труженики, способствовать мнѣ выдруковать книги въ честь и славу Господа, ради наученія людей христіанскимъ законамъ, дабы познали всѣ въ Великой Руси Бога истиннаго и съ нами вмѣстѣ всѣ славили Святую Троицу во вѣки вѣковъ. — Аминь!

— Аминь! — подхватили всѣ присутствовавшіе въ одинъ голосъ и пали ницъ передъ Іоанномъ. Минута была торжественная. Волненіе охватило всѣхъ. Многіе плакали отъ умиленія, и долго раздавались горячія благословенія царю.

IV.

Бѣгство.

Вслѣдъ за торжественнымъ началомъ печатанія книги »Дѣянія апостольская и соборныя посланія святаго апостола Павла«, началось для первопечатника Ивана Ѳедорова

Примѣчаніе. Книга Апостолъ была напечатана на клееной бумагѣ въ листъ малаго формата на 267 л., по 25 стр. на страницѣ, безъ кустодій. Первые 6 л. оставлены безъ помѣты, со статьями, предшествующими священному тексту. Затѣмъ 7-й л., гдѣ напечатано „Сказаніе Дѣяній", помѣченъ первымъ; въ слѣдующемъ л., на оборотѣ котораго помѣщено лицевое изображеніе Евангелиста Луки, съ сіяніемъ около головы, въ рамкѣ, состоящей изъ полукруглой арки на двухъ колонкахъ, отсутствуетъ помѣта; а съ 3-го л., съ лицевой страницы котораго начинаются „Дѣянія", идетъ непрерывная помѣта листовъ кирилловской нумераціей внизу подъ правымъ угломъ лицевыхъ страницъ. На послѣднихъ двухъ листахъ помѣщено послѣсловіе, оканчивающееся на лицевой страницѣ 261 л. Всѣ оборотныя страницы передъ началомъ статей представляютъ болѣе или менѣе значительный пробѣлъ.

Образцомъ для шрифта Иванъ Ѳедоровъ принялъ крупный полууставъ рукописей XVI вѣка, съ нѣкоторымъ наклономъ буквъ въ правую сторону. Буквы прописныя, которыя слѣдуетъ отличать отъ начальныхъ (иниціаловъ) или фигурныхъ, принадлежащихъ къ украшеніямъ, вдвое болѣе строчныхъ.

заботное и тревожное время. Наконецъ, насталъ день 1-го Марта 1564 г., когда окончили печатанiе этого первенца велико-русской печати Московскаго печатнаго двора.

Съ 2 сентября по 29-ое октября 1565 г. Иванъ Өедоровъ и Петръ Тимоөеевъ отпечатали »Часовникъ«, въ 4-ю долю листа на 21½ тетради, по 8 четвертушекъ въ каждой, на 172 л., по 13 строкъ на страницѣ. Въ послѣсловiи къ »Часовнику« сказано, что онъ напечатанъ въ той же штамбѣ, и въ »Часовникѣ« мы видимъ ту-же азбуку и тѣ-же особенности шрифта и набора, какъ въ книгѣ »Апостолъ«. Третьимъ изданiемъ московскихъ печатниковъ было Евангелiе напрестольное безъ выходнаго листа на 10 + 168 + 210 л.

Если появленiе печатныхъ книгъ не мало волновало церковь и народъ, то трудно себѣ представитъ переполохъ и страхъ въ средѣ доброписцевъ и писцовъ-промышленниковъ послѣ изданiя первыхъ книгъ печатнаго двора. Классъ доброписцевъ состоялъ лишь изъ бѣдной пишущей братiи, существованiе которой было тѣсно связано съ судьбою класса писцовъ-промышленниковъ. Естественно поэтому у всѣхъ писцовъ глубоко запалъ въ душу страшный вопросъ: »что-то будетъ со всѣми нами, если нашимъ промышленникамъ больше

заказа не дадутъ? Куда намъ дѣться, если печатный дворъ исподволь будетъ насъ подрывать, ровно вода подрываетъ берегъ? Не успѣемъ оглянуться, какъ пѣсня наша будетъ спѣта! Будемъ сидѣть безъ хлѣба! Отъ отца дьякона Ѳедорова всего ждать можно... всего! Вѣдь, онъ разуменъ и извыченъ въ книжномъ ученіи и выдруковалъ ихъ!«

Сообщая другъ другу подобныя опасенія, они часто прибѣгали по вечерамъ къ писцу-промышленнику Емельянову, ожидая отъ него спасенія. Однако Емельяновъ, видя грусть и уныніе всѣхъ писцовъ, только морщилъ лобъ и пожималъ плечами, какъ будто дѣло вовсе не касалось его; но подъ внѣшнимъ покровомъ спокойствія горячо волновались страсти. Онъ былъ охваченъ мучительнымъ, тяжелымъ чувствомъ мести. Цѣлыя ночи внимательно читалъ онъ всѣ изданія печатнаго двора, въ тайной надеждѣ найти здѣсь какую либо еретическую замѣтку, чтобы сковать оружіе и добраться до самого печатника, Ивана Ѳедорова... но, къ крайнему огорченію своему, не могъ найти никакой ереси, ни одной ошибки. Не смотря на это онъ не унывалъ, твердо рѣшилъ вести войну пока еще скрытную, но тѣмъ не менѣе ожесточенную, притомъ не столько противъ самого печатнаго двора, сколько противъ его

представителя — Ивана Өедорова. Этимъ путемъ онъ разсчитывалъ скорѣе всего достигнуть цѣли: уничтожить, задавить опаснаго соперника, это все равно что прекратить дѣятельность печатнаго двора.

Такъ сидѣлъ онъ и 17-го апрѣля 1568 г., внимательно читая послѣднее изданіе Ивана Өедорова »Евангеліе напрестольное«. Вдругъ раздались чьи-то спѣшные шаги въ сѣняхъ, и Трофимовъ, пріятель Емельянова, впопыхахъ вбѣжалъ въ комнату.

— Прозналъ, вѣдь, я! Все прозналъ, Емельяновъ! — чуть не крикнулъ онъ, подходя къ другу и едва переводя духъ: — досталъ, вѣдь, я... досталъ....

— Да ну? Ну, что такое? Что? Говори же толкомъ! — крикнулъ Емельяновъ, оборачиваясь къ Трофимову.

— Прозналъ, что братцы наши рѣшили пустить краснаго гуся на печатный дворъ!

— Ну да.... ужъ пустять краснаго гуся... легко сказать! Языкъ-то безъ костей, все мелетъ; коли до дѣла дойдетъ, такъ ужъ братцы твои попятятся назадъ, какъ раки!

— Анъ, нѣтъ! Теперича ужъ не попятятся, вѣрь мнѣ: такъ пустятъ краснаго гуся въ гнѣздо ехидное, что и помину не станетъ! — крикнулъ, злобно смѣясь Трофимовъ.

— А! Вотъ какъ? Значитъ, ты ужъ все ладно устроилъ! — проворчалъ Емельяновъ.

— Еще бы! но чего мнѣ это стоило...

— Вѣрю, вѣрю! со вздохомъ проговорилъ Емельяновъ; — только, признаться, боязно мнѣ, что и красный гусь въ прокъ не пойдетъ. Да вотъ посуди! Ну, пустятъ краснаго гуся, пойдетъ дѣло на ладъ, да кто же станетъ препятствовать, чтобы не учинили опять дьявольскаго дѣла? Вотъ если бы возможно было добраться до самого злодѣя, до дьякона Ѳедорова.... Тогда вышло бы дѣльце!

— Не бойся, и ему теперича не ускользнуть изъ нашихъ лапъ... не сдобровать ему... Вотъ те Христосъ — самъ посмотри, коли не вѣришь!

Трофимовъ вынулъ изъ-за пазухи бумажку и сунулъ ее въ руки Емельянова. Дрожащею рукою онъ развернулъ ее и началъ читать. Чѣмъ больше онъ читалъ, тѣмъ большимъ злорадствомъ горѣли глаза Емельянова. Наконецъ онъ бросилъ чтеніе и нѣсколько минутъ сидѣлъ въ раздумьи.

— Ну, что скажешь?—нетерпѣливо крикнулъ Трофимовъ. — Пошлемъ ее рыжему псу, Гришѣ Малютѣ?

— Нужно еще все обдумать, а то...

— Да чего тутъ думать? Вѣдь все въ

ней, какъ пальцемъ указано... дружится же дьяконъ Ѳедоровъ съ Адашевыми и съ литовскими измѣнниками, водитъ съ ними хлѣбъ-соль... такъ чего же больше?

— Но достовѣрно-ли писуля настрочена литовскимъ паномъ?

— На это ужъ положись! Не даромъ дружился я съ справщиками, подъячими и всякими мастеровыми людьми, друкарями... положись на меня!

— Пожалуй, на сей разъ не уйдетъ отъ насъ окаянный... а только, я думаю, хорошо было бы дѣло такъ затѣять, чтобы отецъ дьяконъ самъ подписалъ себѣ смертный приговоръ! Только какъ это сдѣлать?

Онъ задумался.

— Придумалъ, придумалъ! — вскричалъ онъ вдругъ радостно, соскочилъ со своего мѣста и порывисто нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ.

— Ну, такъ сказывай, какъ придумалъ? Емельяновъ не постѣснился объяснить своему задушевному другу въ подробностяхъ свой гнусный замыселъ.

Узнавъ, что на печатномъ дворѣ лежатъ упакованныя для отправки къ царю въ Александровскую слободу книги для личной раздачи ихъ между любимцами Іоанна, онъ рѣшилъ добраться до нихъ и вложить между

книгами, предназначенными самому царю, пагубное для Өедорова письмо.

— Да знаешь ли ты расположенiе друкаренъ?

— Вѣстимо, знаю!

— И ты не струсишь полѣзть ночью въ эту дьявольскую берлогу?.. Я, признаться, понабрался бы страху...

— Вотъ на! не струшу! — озлобленно проговорилъ Емельяновъ. — Нѣтъ, я себя не пожалѣю, живъ не буду, пока не погублю его, не отомщу ему за всѣ наши бѣды! — А ты, братецъ, не отставай, ужъ сдумалъ краснаго гуся пустить, такъ смотри не моги на попятный....

— Этому не бывать! — сказалъ твердо и рѣшительно Трофимовъ, глядя своему другу прямо въ лицо. — Но... — продолжалъ онъ: — подумалъ ли ты, на кого же Татьяну оставишь, коли мы съ тобою не уцѣлѣемъ, не вернемся... дѣло-то все-таки нечистое... а на грѣхъ мастера нѣтъ!

Емельяновъ подумалъ немного, потомъ проговорилъ твердо:

— Дѣло, навѣрно, пойдетъ на ладъ... Ну, коли и нѣтъ... мнѣ не о ней думать, а надо имъ, злодѣямъ, за всѣхъ отомстить: они своей дьявольской друкарней отбили у насъ доходъ, довели всѣхъ насъ до нищеты.... Вотъ что!...

— Быть по твоему! — сказалъ Трофимовъ, прощаясь съ Емельяновымъ.

— Ну, ладно, и я приготовлюсь...

Въ то время, какъ Емельяновъ и Трофимовъ совѣщались между собою, какъ вѣрнѣе уничтожить дѣло печатанія и отомстить главному виновнику ихъ бѣдствій, Ивану Ѳедорову, послѣдній сидѣлъ со своей женой за столомъ и ужиналъ.

Мужественное лицо Ѳедорова было печально; разсѣянно внималъ онъ разсказамъ своей жены, старавшейся всѣми силами согнать печаль и развеселить мужа.

Видя, что попытки безуспѣшны, она сама вдругъ присмирѣла.

Это поразило отца дьякона, и онъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее:

— Что ты, матушка, вдругъ замолчала?

— Да что мнѣ говорить? вѣдь, я своей болтовней мѣшаю твоимъ думамъ!

— Не смущайся, говори! — сказалъ Ѳедоровъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, батюшка, — возразила она, и на глазахъ ея заблистали слезы: — ты ужъ самъ признайся, что съ тобою?.. Раздѣли со мной твое горе!

— Эхъ, матушка, нешто это поможетъ! У бабы волосъ долгъ, да умъ коротокъ.

— Вѣстимо такъ, кабы все дѣло въ умѣ

было, не надо бы тебѣ ничьей помощи... но тутъ, вѣрно, не одинъ умъ... ты печалишься, тоскуешь... такъ подѣлись со мной твоимъ горемъ и легче будетъ на сердцѣ!

— Полно! нечего тебѣ тревожиться, — успокаивалъ ее Ѳедоровъ.

Но отъ любящей жены не скрылось горе мужа.

— Какъ же мнѣ не тревожиться? — вздохнула она. Вотъ ужъ нѣсколько дней, какъ ты все такой задумчивый ходишь... сна лишился... какъ спрошу, такъ только рукой махнешь и все молчишь... навѣрно, ужъ въ друкарнѣ дѣло на ладъ нейдетъ. Не такъ ли, батюшка?

— Правду, правду говоришь, матушка моя! — промолвилъ онъ, цѣлуя жену.

— Господи! не случилось ли какого грѣха?

— Нѣтъ! Только теперь такое время, что намъ надо всѣмъ въ друкарнѣ быть насторожѣ.

— Неужели, царь Иванъ Васильевичъ не сталъ благоволить къ тебѣ?.. ты въ опалѣ?

— Пока еще Господь миловалъ! Я еще не въ опалѣ, но подверженъ безпрестанно всякимъ озлобленіямъ, не отъ самого государя, а отъ многихъ начальниковъ, духовныхъ и свѣтскихъ. Изъ зависти замышляютъ на меня и Петра Тимофеева всякія ереси,

намѣреваются благо превратить во зло и этимъ погубить Божье дѣло!..

— Охъ, Господи! Вотъ времена-то! Неужели царь станетъ судитъ по навѣтамъ наушниковъ?

— Охъ, матушка, страшно подумать! Но самой тебѣ вѣдомо, что въ Москвѣ теперь не такъ, какъ искони было, когда царскія очи не омрачались, а свѣтло сіяли въ престольномъ градѣ! Съ тѣхъ поръ, какъ учинилъ государь на Руси опричнину, не возлюбилъ болѣе бѣлокаменную, а живетъ въ слободѣ Александровской; съ тѣхъ поръ зачали толковать про измѣны, про заговоры и волновать сердце государя подозрѣніями. Кто теперича только хочетъ, тотъ сказываетъ за собою государево слово и доводитъ на недруга! Безъ всякаго суда берутъ тебя и пытаютъ по одной язычной молвѣ — а послѣ пытокъ и казни!

— О Господи... неужто такъ?

— Да, какъ Богъ святъ! Теперича всякій долженъ опасаться и всякое слово обдумывать... и вотъ, какъ на грѣхъ, и случилось... Онъ замолчалъ.

— Что ты замолчалъ? Вѣрно, что-нибудь случилось? Что не договариваешь?—воскликнула жена его, готовая разразиться слезами и воплями.

— Не смущайся... не грѣшнымъ дѣломъ занялся я, — успокаивалъ ее отецъ дьяконъ: — но нечего, правда, таить, что безпокоюсь изъ-за посланія ко мнѣ литовскаго князя Ходкевича; онъ приглашаетъ насъ выдруковать ему »Евангеліе учительное« къ наученію литовскихъ людей христіанскому закону нашему, греческому... братья наши многія напасти на Литвѣ терпятъ... вотъ что!

— Да что же изъ-за этого сокрушаться? Ну, что же князь писалъ — чего же опасаться?

— Въ томъ-то и бѣда, что писалъ онъ по наставленію опальнаго князя Андрея Курбскаго, бѣжавшаго въ Литву! Сношеніе съ нимъ во грѣхъ поставятъ! А пуще о томъ сокрушаюсь, что писуля князя Ходкевича изъ подъ-рукъ въ моей правильнѣ пропала...

— Ну, ужъ пропала, какъ же это возможно?

— Вотъ то-то и есть! Вѣдомо мнѣ только, что пропала, словно въ могилу попала. Но какъ это случилось, кто грѣховодникомъ былъ, — это одному Богу вѣдомо!

— Что это значитъ? — проговорила растерянно матушка.

— А то и значитъ, что хотятъ пронести злое слово!

— Такъ самъ пойди и предстань предъ

свѣтлыя царскія очи... Богъ и царь не безъ милости... авось, все уладится?

— Да, вѣдь, доступа нѣтъ! Измѣна князя Курбскаго, бѣгство многихъ россіянъ въ Литву, замыселъ Сигизмунда польскаго, потрясли московское царство, такъ безпокоятъ сердце царя, что и вѣрные слуги кажутся ему тайными злодѣями! Мнитъ царь, что въ престольномъ градѣ не безопасно, теперь живетъ онъ въ Александровской слободѣ, въ большихъ палатахъ, обведенныхъ рвомъ и валомъ. Безъ вѣдома государя никто не смѣетъ ни въѣхать, ни выѣхать изъ Слободы, для чего въ трехъ верстахъ вокругъ слободы учинена Неволя... Ну, какъ же мнѣ добраться къ царскимъ очамъ?

— Охъ, Господи... тяжко подъ страхомъ жить! — сказала матушка съ глубокомъ вздохомъ. — О-о-охъ, что-то ждетъ насъ впереди? — Она зарыдала.

— Да что ты сокрушаешься, матушка? Одинъ у меня остался опорой и обороной... Богъ праведный! Чрезъ скорби и бѣды сіяетъ все-таки во всемъ свѣтѣ крестъ его, а Апостолъ даже хвалитъ скорби...

— Да, да... кабы не сыночки наши... о, охъ... горе неизбѣжное!

— Богъ милостивъ... просіяетъ и надъ нами горемычными еще солнце красное! Все, что

здѣсь, какъ тѣнь проходитъ, яко исчезаетъ, дымъ... да исчезнутъ! яко таетъ воскъ отъ лица огня...

— Охъ кабы твои слова сбылись! — со вздохомъ проговорила она. — Одно я бы только тебѣ посовѣтовала, кабы ты меня слушать захотѣлъ...

— Ну, что же, говори! Радъ слушать тебя!

— А вотъ видишь ли: сказывала мнѣ сосѣдка, что на спускѣ къ Москвѣ-рѣкѣ, пониже Покровскихъ воротъ, живетъ какой-то юродивый, зовутъ его Іерихономъ. Человѣкъ онъ святой и пророчитъ, и предвидитъ, и гласы ему бываютъ... такъ вотъ не пойти ли мнѣ къ нему... авось, онъ и отведетъ всѣ бѣды!

— Да что ты? Что ты, матушка? Опомнись! Или въ Бога ты не вѣруешь? — почти съ ужасомъ вскричалъ отецъ дьяконъ. — Какъ же можно бабамъ да ребятишкамъ вѣру давать въ такомъ несбыточномъ дѣлѣ?

— Не гнѣвайся, батюшка! Вѣдь случается, что простецовъ Богъ умудряетъ и черезъ нихъ посылаетъ знаменія...

— Коли и бываютъ... Не потворствомъ богопротивному соблазну смягчимъ горе свое, а только накликаемъ на себя гнѣвъ Божій! Нѣтъ... нѣтъ! Давай Богу помолимся.... Онъ одинъ намъ прибѣжище и сила.

— Твоя правда! Безъ Бога ни до порога!

Они пошли въ молельню и въ сердечной молитвѣ передъ образомъ нашли утѣшеніе и покой.

. . . .

Еще не настало утро, время пробужденія къ дѣятельности, какъ Емельяновъ проснулся и всталъ. Черезъ нѣсколько минутъ отворилась маленькая калитка, онъ проскользнулъ на улицу и заперъ за собою потайной выходъ.

Все вокругъ было тихо; только изрѣдка, вдали былъ слышенъ лай собакъ да скрипъ телѣгъ. Удостовѣрившись, что никто не слѣдитъ за нимъ, Емельяновъ быстро пошелъ по улицамъ и переулкамъ и вскорѣ очутился въ Никольской предъ печатнымъ дворомъ. Онъ остановился и осмотрѣлся вокругъ. Не видя никакой опасности, онъ быстро подошелъ къ боковому забору и собирался уже перелѣзть черезъ него, какъ съ другой стороны съ громкимъ лаемъ кинулись на него собаки. Въ то же время въ сторожевой будкѣ открылось крошечное окошечко и кто-то спросилъ грубымъ угрожающимъ голосомъ:

— Кто тутъ?

Емельяновъ испугался, не отвѣтилъ, притаилъ дыханіе и въ слѣдующій моментъ бросился бѣжать. Отбѣжавъ на нѣсколько

сотъ шаговъ, онъ рѣшился остановиться въ тѣни какого-то большого строенія и нашелъ здѣсь, въ закоулкѣ зданія, удобное и безопасное мѣсто, но и тутъ еще долеталъ до него лай чуткихъ животныхъ. Мало-помалу лай перешелъ въ глухой вой, и наконецъ, все стихло.

Крайне взволнованный, онъ все ждалъ удобнаго момента для исполненія своего замысла. Наконецъ раздался рѣзкій, пронзительный свистъ. Громкій вой собакъ былъ ему отвѣтомъ.

— Ну, слава Богу! Ужь давно пора убрать этихъ проклятыхъ псовъ! — подумалъ онъ.

Подождавъ еще нѣсколько минутъ, Емельяновъ снова быстро приблизился къ забору печатнаго двора, но уже съ другой стороны. Хотя заборъ былъ высокъ, и былъ усаженъ остроконечными спицами, однако онъ немедленно началъ подниматься съ неимовѣрной ловкостью, добрался наконецъ до верху и всталъ, просунувъ ноги въ узкіе промежутки между спицами.

Отдохнувъ нѣсколько секундъ, Емельяновъ началъ спускаться, держась за спицы, и вскорѣ очутился внутри ненавистнаго ему печатнаго двора. Хорошо знакомый съ расположеніемъ друкарни, онъ, не теряя ни минуты, бросился бѣжать къ заднему крыльцу и тот-

часъ принялся отпирать дверь подобранными ключами. Это ему удалось. Онъ вошелъ и притворилъ за собою дверь. Хотя въ коридорѣ былъ непроглядный мракъ, Емельяновъ однако добрался до лѣстницы и благополучно поднялся въ верхнюю палату, дверь которой, къ его счастію, не была заперта. Онъ вошелъ въ »Правильную«. Убѣдившися, что здѣсь нѣтъ посылки, приготовленной для отправки къ царю въ Александровскую Слободу, онъ повернулся къ двери, которая, какъ было ему извѣстно, вела въ книгохранилище. Дверь была заперта на запоръ и висячій замокъ; только послѣ долгихъ усилій ему удалось открыть ее и войти.

Въ сравненіи съ другими помѣщеніями печатнаго двора, книгохранилище было тѣсно, бѣдно и похоже на подклѣть. Вдоль стѣнъ помѣщались большія полки съ книгами и бумажнымъ матеріаломъ; средину комнаты занималъ большой четыреугольный дубовый столъ. Маленькое, отстоящее высоко отъ полу окошко пропускало тусклые лучи свѣта, но и они краснорѣчиво говорили Емельянову, что ему пора торопиться. Однако, не смотря на самые тщательные поиски, онъ нигдѣ не находилъ посылки.

Волненіе охватило его.

— Ужъ день настаетъ, а дѣло не сдѣ-

лано! Не дай Богъ... еще самъ зацѣпишься! — думалъ онъ.

И онъ снова принялся за поиски, но безъ успѣха. Вдругъ взоры его остановились на столѣ.

— Какой я дуракъ! Навѣрно, она тамъ! Онъ не ошибся. Дубовый столъ имѣлъ внизу шкафы съ полками и дверцами. Дрожащей рукой открылъ онъ ихъ... глаза его сіяли злорадостнымъ удовлетвореніемъ: посылка съ евангеліями лежала предъ нимъ. Вынуть ее изъ шкафа, вскрыть, осторожно вложить въ одно изъ евангелій письмо литовскаго князя Ходкевича, какъ-бы случайно попавшее сюда, и вновь упаковать было для Емельянова дѣломъ нѣсколькихъ минутъ.

— Добро! — думалъ Емельяновъ про себя. — Теперь, отецъ дьяконъ, сумѣлъ я на тебя царя натравить... Ужъ теперь не уцѣлѣешь! — и онъ радовался, искренно радовался тому, что нашелъ возможность отомстить своему давнему врагу!

Вдругъ — что такое?!.. Онъ сталъ прислушиваться... Лицо его выражало безпредѣльный ужасъ. Послышался шорохъ шаговъ въ »Правильной«.

Сердце Емельянова замерло. Мысль о неминуемой гибели промелькнула въ его умѣ... Кончено!.. Игра проиграна!..

Разсуждая такимъ образомъ, онъ инстинктивно въ три прыжка очутился за большой кипой бумагъ.

Едва успѣлъ онъ это сдѣлать, какъ дверь въ книгохранильницу со скрипомъ распахнулась, и на порогѣ показалось удивленное лицо Петра Тимоѳеевича. Не входя въ книгохранильницу, онъ тревожнымъ взоромъ окинулъ ее, но не замѣтилъ ничего подозрительнаго; качая головою, подошелъ къ столу, вынулъ оттуда посылку и, взявъ изъ ящика красный воскъ, онъ запечаталъ ее царскою печатью, съ изображеніемъ льва и единорога.

Въ это время внизу послышался шумъ голосовъ. Печатный дворъ ожилъ. Петръ Тимофеевичъ отнесъ посылку въ »Правильную« и передалъ сторожу для отправки.

Возвратясь въ книгохранильницу и убѣдившись, что все въ надлежащемъ порядкѣ, онъ затворилъ двери и съ шумомъ задвинулъ засовъ.

Этотъ шумъ заставилъ Емельянова вздрогнуть, какъ отъ прикосновенія электрической искры. Съ глухимъ крикомъ ужаса онъ быстро выскочилъ изъ засады, бросился къ двери, споткнулся, зашатался и ударился лбомъ объ уголъ стола съ такой силой, что растянулся на полу во весь ростъ и лежалъ, какъ пластъ.

Проходитъ часъ за часомъ... наконецъ раздался сигналъ къ отдыху.

Большими толпами труженики печатнаго двора отправились домой обѣдать. Въ друкарнѣ остались лишь сторожа; на ихъ лицахъ тоже изображалось явное желаніе какъ можно скорѣе пообѣдать и лечь отдохнуть.

Скоро, дѣйствительно, все затихло.

Но что это? Тишина рѣзко прерывается страннымъ звукомъ, напоминающимъ собою хрустъ и трескъ. Звукъ усиливается съ минуты на минуту. Спустя нѣсколько времени, чрезъ щели дверей и замочную скважину проникаетъ въ палату какой-то ѣдкій запахъ. Мало-по-малу все внутреннее пространство книгохранильницы наполняется имъ.

Этотъ запахъ оказалъ свое дѣйствіе и на Емельянова, все еще лежащаго на полу. Онъ заставилъ его чихнуть и очнуться, но не смотря на то Емельяновъ еще не вполнѣ пришелъ въ сознаніе. Онъ смутно ощущалъ какую-то физическую боль, но не могъ понять ея причины. Вдругъ, несчастный началъ метаться по полу, какъ умирающій на смертномъ одрѣ въ минуту агоніи. Ему казалось, что кто-то душитъ его, онъ чувствуетъ, что не въ силахъ сопротивляться, что еще мгновеніе, и наступитъ его послѣдній часъ....

Ужасный страхъ при мысли объ этомъ моментѣ дѣйствуетъ на него такъ сильно, что онъ быстро становится на ноги и сразу приходитъ въ себя.

Этотъ кошмаръ его былъ близокъ къ истинѣ. Дымъ, наполнявшій книгохранильницу, былъ такой густой и ѣдкій, что онъ чуть-чуть не задохся.

Не думая болѣе о своемъ положеніи, онъ съ ужаснымъ воплемъ: »Спасите! помогите!... Пожаръ! пожаръ!« бросается къ двери. Въ отчаяніи онъ хватается за нее, толкаетъ, рветъ — напрасно! Дверь не подается ни на волосъ! Какъ звѣрь, который видитъ, что всѣ пути къ спасенію отрѣзаны, онъ смутно обозрѣваетъ свою могилу...

А, окно!

Съ быстротою молніи бросается онъ впередъ, берется за желѣзныя рѣшетки и выбиваетъ локтемъ стекло. Жадно вдыхаетъ онъ полною грудью свѣжій воздухъ и пробуетъ пролѣзть... напрасно! Отверстіе слишкомъ мало! Въ этомъ ужасномъ положеніи начинаетъ онъ изо всей силы кричать... Что ему за дѣло, что его поймаютъ, какъ вора, и, какъ преступника, будутъ судить... все равно! Лишь бы только спастись отъ ужасной, мучительной смерти...

Крики и вопли его заглушаются гуломъ

голосовъ людей, столпившихся на печатномъ дворѣ не столько для того, чтобы помочь, сколько, чтобы полюбоваться страшною картиной разрушенія.

Густыя облака дыма заволакиваютъ весь печатный дворъ и такимъ образомъ лишаютъ Емельянова послѣдней надежды, что его могутъ замѣтить.

— Каюсь, каюсь въ своемъ поступкѣ... Боже милостивый, спаси меня! Подкрѣпи мои силы... пощади... и я постараюсь исправить грѣхъ мой... о — охъ!

Емельяновъ опять бросается къ двери, со всей силой напираетъ на нее плечомъ и руками. Напрасно! Она не подается. Онъ чувствуетъ, что руки и ноги отказываются ему служить... чувствуетъ свое изнеможеніе. Нервная дрожь пробѣгаетъ по его тѣлу... еще разъ руки его хватаются за дверь... но силы ему измѣнили, онъ съ ужаснымъ крикомъ отчаянія зашатался и свалился на землю....

Въ этомъ моментъ кто-то отодвинулъ засовъ изъ »Правильной«; дверь распахнулась, и Петръ Тимофеевичъ со страхомъ нагнулся надъ полузадохнувшимся Емельяновымъ. Узнавъ своего врага, онъ въ первый моментъ уже хотѣлъ предоставить его судьбѣ, но, вспомнивъ, что этотъ несчастный — отецъ

его возлюбленной, онъ быстро взвалилъ его на плечи и бросился назадъ. Съ помощью другихъ, онъ понесъ несчастнаго Емельянова домой.

Не мало испуганная встрѣтила Татьяна своего отца.

— О, Господи! Что приключилось?.. Онъ умеръ! — съ ужасомъ крикнула Татьяна.

— Да ну, полно, Татьяна! Живъ онъ! — успокаивалъ ее Петръ Тимофеевичъ:—только пока еще онъ безъ сознанія!.. Отъ дыму при пожарѣ въ друкарнѣ онъ только лишился чувствъ...

— О, Боже мой! Боже мой! Спаси насъ грѣшныхъ... Что пришлось услышать: при пожарѣ въ друкарнѣ? Да какъ?—недоумѣвала она.

— Ужъ самому не вѣдомо мнѣ! — спѣшно проговорилъ Петръ Тимофеевичъ.—Ты смачивай почаще ему голову; навѣрно, онъ тогда придетъ въ себя! Мнѣ же нужно воротиться въ друкарню... спасти наши пунсоны, шрифты и рукописи дорогія... ворочусь, какъ только будетъ возможно!

Онъ бросился на печатный дворъ. Здѣсь ему представилось ужасное зрѣлище. Пламя поднималось къ небу громадными столбами. Скоро разнузданная стихія распространила свое дѣйствіе и на другія постройки, обра-

зовавъ огромные костры. Всѣми силами Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимофеевичъ старались отстоять свою типографію, но такъ какъ пламя вспыхнуло одновременно во многихъ мѣстахъ, и находившіеся подъ рукой люди принялись тушить крайне неохотно, то огонь погасъ только тогда, когда болѣе не находилъ себѣ пищи.

Огорченный, съ упавшимъ духомъ, совсѣмъ измученный, возвратился Иванъ Ѳедоровъ домой, гдѣ его встрѣтила со слезами жена. Имъ обоимъ было ясно, что книгопечатный дворъ былъ подожженъ недоброжелателями, и это сознаніе подѣйствовало на нихъ такъ угнетающе, что они, измученные физически и нравственно, безо всякихъ разговоровъ отправились на покой.

. . . .

Была уже полночь. Москва спала. Не спалось одному отцу дьякону, Ивану Ѳедорову. Лежитъ онъ въ постели, занятый своими тяжелыми заботами и думами.

Легкій, чуть слышный стукъ въ сѣнныя двери заставилъ отца дьякона приподнять голову и прислушаться. Стукъ повторился сильнѣе... Онъ вскочилъ. Его порывистое движеніе разбудило и жену его.

— Ахъ!... ахъ, Боже мой! Батюшка, что

случилось? никакъ, въ двери стучатъ? — вскрикнула въ испугѣ она.

— Успокойся, матушка... пойду взгляну!—

— Не отворяй!... Кто ихъ тамъ знаетъ?—

— Нужно же взглянуть, а ты подожди!— Онъ сталъ поспѣшно одѣваться и побѣжалъ въ сѣни.

— Кто тамъ смѣетъ стучать?— закричалъ Иванъ Ѳедоровъ.

— Отворяй, отецъ дьяконъ! Это я! — отвѣтилъ изъ-за дверей голосъ Петра Тимофеевича. — Вѣсти важныя!

— А! Ну, входи! — и онъ распахнулъ двери настежь. Петръ Тимофеевичъ вошелъ, едва переводя духъ отъ усталости.

Въ это мгновеніе показалась и матушка.

— Это ты, Петръ Тимофеевичъ... чуетъ мое сердце горе... вѣсти недобрыя? — Глаза ея выражали сильную тревогу.

— Правда, правда... вѣсти недобрыя... нечего терять время... пора собираться въ дорогу, пока еще они не...

— Какъ въ дорогу! — воскликнула почти въ ужасѣ жена отца дьякона.

— Да что же такое? Говори же скорѣе! Въ чемъ дѣло? Въ толкъ не возьму? — проговорилъ оторопѣвшій Иванъ Ѳедоровъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло! — и Петръ Тимофеевичъ началъ разсказывать о замыслѣ

Емельянова. Спасенный имъ отъ мучительной смерти, онъ во всемъ покаялся и совѣтовалъ еще до утра спасаться бѣгствомъ отъ грядущей бѣды.

— Не могу оставить на произволъ судьбы Божье дѣло... не могу собираться въ дорогу!

— Что слышу я! — воскликнулъ удивленно Петръ Тимофеевичъ: — да каждый лишній мигъ можетъ стоить намъ головы... теперь еще есть время спастить, а завтра намъ предстоитъ казнь, хотя царь до сихъ поръ не вѣрилъ извѣтамъ тѣхъ, которые умышляютъ на насъ!

— Сердце царево въ руцѣ Божьей, говоритъ писаніе! — отвѣтилъ мрачно Иванъ Ѳедоровъ. — Не могу сдѣлаться врагомъ государевымъ, пойти наперекоръ всей землѣ, которая держитъ передъ нимъ преклоненную голову. Велико милосердіе Божіе! Онъ избавитъ насъ отъ бѣды!

Петръ Тимофеевичъ, глубоко и проницательно взглядываясь въ лицо отца дьякона, понялъ, что происходило въ душѣ его. Положивъ руку на плечо Ѳедорова и грустно покачавъ головою, онъ проговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— Твоя правда, Иванъ Ѳедоровъ, Богъ не безъ милости! долго боролся я самъ съ собою, пока рѣшился собраться въ дорогу,

но коли ты останешься здѣсь, то и я съ тобою, хотя-бы завтра насъ раздавили, растоптали пятой!

— Что ты, Петръ Тимофеевичъ?! Что ты, батюшка! — воскликнула жена отца дьякона со слезами на глазахъ. — Неужели у васъ разсудокъ помутился? Неужто лѣзть самому въ петлю, пропасть ни за что, ни про что?.. Опомнись, батюшка! Вѣдь, у тебя и дѣти невинныя! Неужто ты ихъ не жалѣешь? Изъ-за тебя нести на плаху головы дѣтей нашихъ? Батюшка, не губи понапрасну себя и дѣтей нашихъ! Собирайся въ дорогу! — Она опустилась предъ нимъ на колѣни и громко зарыдала.

Въ это мгновеніе послышался опять громкій стукъ въ двери. Жена Өедорова задрожала всѣмъ тѣломъ.

— Господи смилуйся... за нами пришли! — вскрикнула она, вскакивая.

Петръ Тимофеевичъ и Иванъ Өедоровъ вздрогнули и перекрестились; скоро овладѣвъ собою, отецъ дьяконъ подошелъ къ двери и твердо спросилъ:

— Кого это Господь принесъ въ такую пору?

— Отворяй! Эй! Отворяй! Время не терпитъ! — послышался съ надворья женскій голосъ.

При звукѣ этого голоса Петръ Тимофеевичъ весь задрожалъ и, быстро отодвинувъ засовъ, отворилъ дверь. За дверью показалась Татьяна, дочь Емельянова. Она была блѣдна, какъ смерть, и съ трудомъ переводила духъ.

— Татьяна, ты сама? — воскликнулъ въ волненіи Петръ Тимофеевичъ, поддерживая утомленную дѣвушку и подводя ее къ лавкѣ.

— Да... какъ видишь, я сама!— промолвила Татьяна. — Спасайтесь, ради Бога, спасайтесь! Черезъ нѣсколько минутъ дьявольскіе псы Малюты прибудутъ сюда и...

— Ахти, Господи! Да какъ же ты это свѣдала? — спросила въ испугѣ жена отца дьякона, перебивая Татьяну.

— Занялся же батюшка мой грѣшнымъ дѣломъ! Изъ зависти умышлялъ на васъ же ереси, намѣревался всѣхъ васъ погубить... но кабы не Петръ Тимофеевичъ... самъ лютою смертью погибъ! Господь милостивъ, просвѣтилъ таки Онъ бѣднаго отца моего, и только теперь у него на мысляхъ, какъ-бы спасти васъ отъ горя и скорби великой... Вотъ и послалъ онъ своего клеврета Трофимова въ Александровскую Слободу развѣдать... и узналъ онъ, что кромѣшники собрались на розыскъ къ вамъ!.. Спасайтесь! Самимъ вѣдомо вамъ, что эти кровожадные полки съ метлами да съ песьими головами топчутъ правду, грызутъ

вѣрныхъ слугъ государевыхъ! Спасайтесь! не мѣшкайте!

— О, Господи! смилуйся, батюшка мой! — взмолилась перепуганная матушка. — Отъѣдемъ въ Литву!

— Въ Литву? Зачѣмъ? Ни въ чемъ неповиненъ! — шепталъ Иванъ Өедоровъ, измученный душевнымъ страданіемъ.

— Вѣдь и Самъ Господь, Спаситель Нашъ, спасался бѣгствомъ отъ ненависти Ирода! — сказалъ Петръ Тимофеевичъ. — Мы черви... гады ничтожные предъ Нимъ... чего же намъ мѣшкать... дожидаться, когда насъ поведутъ на смертную казнь? Вѣдь, надо помнить, что у насъ искусство ремесленное, сѣмена духовныя, которыя, по Волѣ Божьей, слѣдуетъ разсѣять по всему міру!

Въ груди Өедорова боролись разнородныя чувства. Отъ волненія онъ не могъ болѣе произнести ни слова. Наконецъ, онъ вздохнулъ, какъ-бы пробуждаясь отъ сна.

— Твоя правда, Петръ Тимофеевичъ! — сказалъ онъ твердымъ голосомъ. — Не пригоже мнѣ зарыть въ землю талантъ, врученный мнѣ Богомъ. Коли ужъ нѣтъ мѣста для него въ родной землѣ, такъ перенесемъ его въ незнакомыя страны, дабы не услышать вопроса владыки Нашего Христа: »Лукавый рабъ и лѣнивый! зачѣмъ не отдалъ ты Мое

серебро торговцамъ, чтобы Я, пришедъ, получилъ Свое съ лихвою?« Въ дорогу!

Прошло нѣсколько минутъ, и они съ узлами и дѣтьми были уже готовы покинуть родину. Еще разъ со слезами на глазахъ оглянулись, перекрестились и...

Среди ночной тишины до ихъ слуха донесся топотъ коней, стукъ сабель и людскіе голоса.

— Боже!.. Куда теперь?.. Господи, помоги намъ!.. Дороги нѣтъ!

Всѣ содрогнулись. Но Иванъ Ѳедоровъ, сообразивъ, что еще можно было сдѣлать, велѣлъ своимъ спутникамъ слѣдовать за собою въ садъ. Всѣ они быстро скрылись въ саду; дѣйствительно, имъ удалось незамѣтно проскользнуть на большую дорогу.

Горькое чувство овладѣло Петромъ Тимофеевичемъ, когда Татьяна стала съ ними прощаться. Когда очередь дошла до него, онъ отвелъ ее въ сторону и прерывающемся отъ волненія голосомъ сказалъ:

— Татьяна! пойдемъ съ нами!

— Что ты! что ты, Петръ Тимофеевичъ! Али позабылъ заповѣдь Божію: »чти отца твоего!« Оставить мнѣ его? Прости, Петръ Тимофеевичъ! Вспомни, что Богъ посылаетъ горе и испытаніе, но все проходитъ, какъ тѣнь. А можетъ быть, по милости

Божіей, и здѣсь еще настанетъ для насъ время встрѣтиться.

Петръ Тимофеевичъ опустилъ голову:

— Такъ-ты клятвы нашей не забудь, помни! — сказалъ онъ мрачно.

— Помню, помню, дорогой мой! Бѣдные мы съ тобой, горемычные!

Со слезами на глазахъ и съ грустью въ сердцѣ, они еще разъ обнялись другъ съ другомъ и поцѣловались три раза.

— Ну съ Богомъ, Петръ Тимофеевичъ! Пора! — сказала она, вырываясь наконецъ изъ его объятій и поспѣшно удаляясь.

Петръ Тимофеевичъ долго глядѣлъ ей во слѣдъ и, когда она уже совсѣмъ скрылась въ темнотѣ, пустился догонять своихъ удрученныхъ горемъ спутниковъ.

Примѣчаніе. Книгопечатаніе въ Москвѣ, послѣ бѣгства Ивана Ѳедорова продолжалось недолго. Послѣ „Псалтири" 1568 г. въ теченіе 20 лѣтъ не появлялось ни одной книги, изданной въ Москвѣ. Переселившись въ Александровскую Слободу, царь Иванъ Грозный взялъ къ себѣ туда печатнаго мастера Андроника Тимофеева, ученика Ивана Ѳедорова, который и устроилъ тамъ небольшую типографію.

V.

Черезъ скорби и бѣды.

Избѣгая по возможности большой дороги, наши изгнанники послѣ безконечныхъ дней и ночей достигли литовской границы. Безъ особенныхъ затрудненій перешли они ее и повернули прямо къ Заблудовью (мѣстечко въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи), имѣнію литовскаго гетмана, князя Григорія Александровича Ходкевича. Надежда не обманула ихъ. Ходкевичъ, слывшій за покровителя православно-русско-церковной письменности, дружелюбно принялъ московскихъ изгнанниковъ. Онъ оказалъ имъ помощь, далъ имъ средства. Въ скоромъ времени Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимофеевичъ устроили здѣсь типографію и напечатали »Евангеліе учительное« (съ 8 Іюня 1568 г. по 17 Марта 1569 г.). Такъ какъ московскіе печатники принесли съ собой въ Заблудовье

пунсоны, шрифты и украшенія, то въ этомъ изданіи употреблена та же азбука и тѣ же украшенія, что и въ первопечатномъ московскомъ Апостолѣ. Евангеліе это напечатано въ листъ, на 8-ми ненумерованныхъ и 399 л. съ кирилловской нумераціи, по 28 строкъ на каждой страницѣ, съ киноварью и черной заставкой. На оборотѣ заглавнаго листа помѣщенъ гербъ Ходкевича. Этимъ Евангеліемъ было положено прочное основаніе началу славяно-русскаго книгопечатанія на всемъ юго-западѣ Россіи, гдѣ, послѣ покоренія Кіева и Переяславля съ ихъ землями литовскимъ княземъ Гедиминомъ, домъ св. Владиміра совершенно потерялъ свое значеніе.

Первые литовскіе князья, замѣнявшіе на юго-западѣ Руси родъ св. Владиміра, не преслѣдовали православныхъ, позволяли имъ строить храмы, нѣкоторые изъ нихъ даже вступали въ бракъ съ православными.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока сынъ и преемникъ Ольгерда на велико-княжеское достоинство, Ягелло (иначе Ягайло), не вступилъ въ 1386 году въ бракъ съ польскою королевою Ядвигою. По договору онъ получилъ корону Пястовъ и сдѣлался ревностнымъ поборникомъ новопринятой вѣры.

Съ этого времени понятіе о вѣрѣ начинаетъ тѣсно сливаться съ понятіемъ о народности. Кто былъ католикомъ, тотъ былъ уже полякомъ; кто считалъ и называлъ себя русскимъ, тотъ былъ православнымъ.

Принимая католическую вѣру, русскіе какъ и литовцы, измѣняли своей народности и становились на сторону поляковъ. Первыхъ гнали, вторымъ покровительствовали.

Такимъ образомъ все населеніе Западной Руси раздѣлилось на привилегированныхъ, т. е. русскихъ-католиковъ, и непривилегированныхъ, т. е. православныхъ жителей русскихъ земель.

Въ это время Польша, стоявшая ближе Руси къ Западной Европѣ, гдѣ наступила эпоха духовнаго возрожденія, по своему умственному образованію была гораздо выше Руси; естественно, что русское шляхетство подчинялось ея цивилизующему вліянію; у поляковъ не прерывалось общенія съ западнымъ просвѣщеніемъ, а въ польско-литовской Руси господствовалъ мракъ невѣжества.

Такимъ образомъ, казалось, на западѣ подготовлялись совершенное искорененіе русской народности и сліяніе южно-западной Руси съ Польшею въ одно цѣлое. Но про-

видѣніе рѣшило иначе. Оно выбрало себѣ орудіемъ возрожденія и охраненія православія московскихъ изгнанниковъ. Они имѣли важное значеніе для умственнаго и религіознаго движенія въ польско-литовской Руси.

Лишенные родины, они сохранили вѣру своихъ предковъ—святое знамя, подъ которымъ они всѣми силами стали собиратъ разсѣянныхъ братьевъ Западной Руси.

Подъ вліяніемъ московскихъ изгнанниковъ православная партія вступила въ дѣятельную борьбу съ іезуитами, стараясь дѣйствовать ихъ же орудіемъ, т. е. проповѣдями, богословскими сочиненіями, основаніемъ типографій и школъ для воспитанія юношества въ правилахъ греческой религіи. Между этими московскими изгнанниками первое мѣсто принадлежитъ князю Андрею Курбскому.

Онъ вошелъ въ близкія сношенія съ литовскими вельможами, съ княземъ Ходкевичемъ, Острожскимъ и другими, которые, хотя и подчинились вліянію польской образованности, однако считали себя все-таки русскими и явились двигателями умственно-религіознаго возрожденія въ польской Руси.

Зародышу умственнаго и религіознаго движенія въ польско-литовской Руси не мало

способствовало утвержденіе книгопечатанія въ славянскихъ земляхъ *).

Первымъ дѣятелемъ въ этомъ просвѣтительномъ направленіи для польской Руси явился докторъ Францискъ Скорина (род. около 1489 г.). По происхожденію онъ былъ русскій и родился въ Полоцкѣ. Онъ перевелъ на русскій языкъ библію и напечаталъ ее въ чешской Прагѣ, за отсутствіемъ типографіи на Руси. Его »Библія русска« и »Псалтирь« — первенцы русскаго книгопечатанія. Въ предисловіи къ »Псалтири« (1517) Скорина объясняетъ свою дѣятельность на пользу русскаго народа (»своей братіи Руси«) славянской и русской письменности »наболей съ тое причины, иже мя милостивый Богъ съ того языка (русскаго) на свѣтъ пустилъ«.

Вотъ причины, побудившія гетмана Григорія Александровича Ходкевича дать московскимъ изгнанникамъ, Ивану Өедорову и Петру Тимофеевичу, пріютъ и дозволить имъ основать въ своемъ имѣніи Заблудовьѣ типографію.

Заблудовское изданіе Ивана Өедорова

*) Примѣчаніе. Разсадницей типографскаго искусства на югѣ славянскаго міра была Венеція. Венеція не только способствовала пробужденію этого искусства, но и его развитію и усовершенствованію; съ 1519 года въ самой Венеціи устроена даже самостоятельная славянская печатня сербскимъ воеводою Божидаремъ Вуковичемъ Дюричъ изъ Подгорицы.

»Евангеліе учительное« было встрѣчено въ русско-литовскомъ мірѣ съ восторгомъ, хотя одновременно съ этимъ вызвало усиленное гоненіе православныхъ со стороны католиковъ. Эта борьба между православіемъ и католицизмомъ, загорѣвшаяся съ особенным ожесточеніемъ въ литовской столицѣ, заставляла всѣхъ православныхъ со страхомъ ждать будущаго.

Между тѣмъ Иванъ Өедоровъ, котораго теперь стали звать Москвитиномъ, приготовился отпечатать »Псалтирь съ часословцемъ«. Для этой цѣли онъ уже разбиралъ свои пунсоны, шрифты и украшенія, которые онъ принесъ съ собою въ Заблудовье, какъ вдругъ Петръ Тимофеевичъ быстро вошелъ въ его приготовальню.

— Ну, что съ тобой, братецъ?—спросилъ удивленно Иванъ Өедоровъ.

— Да что сказать... вотъ въ чемъ дѣло!— съ этими словами подалъ онъ Өедорову какое-то посланіе. Өедоровъ принялъ его и сталъ читать; дочитавъ до конца, онъ молча положилъ его на столъ.

— Ну, что не молвишь ни слова?—спросилъ, послѣ небольшой паузы, Петръ Тимофеевичъ.

— Тяжко мнѣ, что ты покидаешь Заблудовье и перебираешься въ Вильно... но...

— Коли такъ... такъ не будемъ разлучаться... я здѣсь останусь!

— Нѣтъ... нѣтъ, братецъ! видно, уже пора намъ разстаться. Наше искусство ремесленное слѣдуетъ разсѣивать по всему русскому міру, распространять по вселенной слово Господа Нашего, Іисуса Христа. Зовутъ тебя поселиться въ городѣ Вильнѣ, гдѣ болѣе всего тяготѣетъ надъ нашими братьями гнетъ, гдѣ русскіе люди менѣе всего въ силахъ удержать вѣру отцовъ своихъ... такъ ужъ не скрывай въ землю своего таланта... иди, и да будетъ надъ тобою благословеніе Господа и Его святая воля!

Слова Ивана Ѳедорова убѣдили Петра Тимофеевича принять приглашеніе друзей князя Курбскаго, Зарѣцкихъ и Мамоничей, переселиться въ Вильну, гдѣ борьба между православіемъ и католичествомъ вызывала болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ юго-западномъ краю, потребность въ книгопечатаніи.

Скоро и Иванъ Ѳедоровъ долженъ былъ прійти къ сознанію, что дни его пребыванія въ Заблудовьѣ сочтены.

Обстоятельства измѣнились: въ 1569 году послѣдовало окончательное соединеніе Литвы съ Польшею въ одно цѣлое; политическія соображенія заставили гетмана Ходкевича равнодушнѣе относиться къ дѣятельности

Ѳедорова. Оставаясь въ вѣрѣ своихъ отцовъ, онъ все-таки склонялся на сторону іезуитовъ.

Но это не помѣшало Ивану Ѳедорову, оставшемуся въ Заблудовьѣ, напечатать »накладомъ« Г. А. Ходкевича, съ его гербомъ »Псалтирь съ часословцемъ«, московскою азбукою съ фигурными прописными буквами и заставочками.

Со смиренной гордостью, которую испытываетъ каждый честный труженикъ при удачномъ окончаніи своей работы, взглянулъ Иванъ Ѳедоровъ на произведенія своего искусства. Несмотря на внутреннее удовлетвореніе, имъ овладѣло какое-то предчувствіе, что этимъ изданіемъ и окончится его типографская дѣятельность въ Заблудовьѣ.

Онъ отправился къ князю Ходкевичу, чтобы получить разрѣшеніе приступить къ печатанію »Апостола«.

Князь хотя и страдалъ подъ старость головною болью, однако принялъ Ивана Ѳедорова ласково и позволилъ ему высказать свое желаніе.

Когда Ѳедоровъ окончилъ, долго не было отвѣта. Князь опустилъ голову и впалъ въ раздумье. Наконецъ онъ выпрямился и устремилъ свой тусклый взглядъ на Ѳедорова.

— Такъ вотъ, — сказалъ онъ: — что опять хочешь учинить, но я... я полагаю, ты ужъ

довольно послужилъ этому дѣлу; пора его покинуть... отдохнуть!

— Покинуть!.. — Ѳедоровъ поблѣднѣлъ отъ рѣчи князя.

— Вишь, — продолжалъ князь: — ты вполнѣ заслужилъ мои милости, ты можешь теперича жить въ деревнѣ, которую я тебѣ дарю. Будетъ тебѣ итти кормъ и всякій обиходъ... будешь всѣмъ доволенъ! можешь жить землепашествомъ!

— О, государь мой превозлюбленный! не заслужилъ я твоей великой милости! Вѣдь, у меня искусство ремесленное, не пристало мнѣ въ паханіи. Вмѣсто сосудовъ съ хлѣбными сѣменами, у меня сѣмена духовныя, которыя и слѣдуетъ разсѣвать по міру и раздавать всѣмъ по порядку эту духовную пищу. Не могу же я скрывать въ землю таланта, врученнаго мнѣ Богомъ. Ужаснуся я вопроса владыки моего Христа: »лукавый рабъ и лѣнивый! Зачѣмъ не отдалъ ты мое серебро торговцамъ, чтобы я, пришедши, получилъ Свое съ лихвою?« Не могу въ бездѣйствіи зрѣть, какъ братья родные поддаются іезутскимъ ковнямъ. Они-же не въ силахъ противиться этимъ волкамъ по недостатку духовнаго оружія — Слова Божія! Нѣтъ, нѣтъ!.. Божье дѣло бросить, братьевъ на погибель обречь, на вѣру и

на старину святую махнуть рукой... не могу, князь!..

— Эхъ, ну замололъ!—нетерпѣливо перебилъ князь Ходкевичъ.—Думай тамъ про себя, что хочешь, но что тебѣ за дѣло до твоихъ братьевъ? И, правду сказать, отецъ дьяконъ, теперича, повѣрь ты мнѣ, миновало время бороться, вѣдь подписано же присоединеніе Волыніи и Кіевскаго воеводства къ Польскому королевству на вѣчныя времена...

— На вѣчное время, князь!— горячо воскликнулъ Ѳедоровъ. — На вѣчное время, князь! Да кто же это дерзаетъ? Да, не знаешь ли ты, что здѣсь, на землѣ, какъ сонъ, какъ тѣнь, все проходитъ, и доброе, и худое, все, какъ дымъ по воздуху, расходится... Да, неужто ты вѣришь, что Господь на вѣки оттолкнулъ дѣтей святой Руси, и не обратитъ къ нимъ снова своего благоволенія? Неужто вѣришь, что Господь вѣчно допуститъ Сигизмунда и его потомковъ царствовать надъ Русскою землею... нѣтъ... не бывать этому!

Князь Ходкевичъ тревожно наморщилъ лобъ и посмотрѣлъ по сторонамъ, какъ бы подыскивая слова для отвѣта.

— Недужится мнѣ! — проворчалъ онъ наконецъ. — Да, а самъ-то пойми, что слишкомъ старъ я, чтобы вступать въ борьбу.

Не хочется привести свой княжескій родъ къ опалѣ... хочется умереть спокойно! Такъ ужъ и ты живи себѣ въ деревнѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ... прости, князь!.. Вижу, что нужно уйти отсюда... прости, князь!

Ѳедоровъ поклонился въ землю и поцѣловалъ княжескую руку.

— Куда же тебѣ итти? Опомнись! Не въ пору ты уѣзжать затѣялъ! Жалую я тебя деревнею, чѣмъ тебѣ здѣсь не житье?

— За милость спасибо, князь! Да житье здѣсь, князь не житье! Не могу переломить себя, не могу оставить Божье дѣло!

— Ну опять старая пѣсня! — нетерпѣливо перебилъ его князь.—Такъ скажу вотъ что: не пущу тебя! ступай себѣ домой! Подождемъ до утра, авось, что другое придумаешь; утро вечера мудренѣе! Поди! Поди!

Не таковъ былъ Иванъ Ѳедоровъ! Глубоко вѣровавшій въ свое призваніе »распространять по вселенной слово Господа Нашего Іисуса Христа«, онъ не могъ помириться съ предложеніемъ князя, которое онъ считалъ обиднымъ для себя.

Какъ ни тяжело было ему, онъ все-таки не задумался бросить свое спокойное убѣжище; отказался отъ обезпеченнаго своего положенія и черезъ всякія »скорби и бѣды« во время сильнѣйшаго морового повѣтрія

отправился въ Львовъ, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ типографскимъ запасомъ. Но здѣсь ему пришлось бороться со множествомъ препятствій, прежде чѣмъ онъ могъ продолжать свое дѣло. Скудость средствъ заставила его унижаться и просить помощи у богачей. Но какъ онъ ихъ ни умолялъ, они не оказали ему ни содѣйствія, ни денежной поддержки. Лишь весьма немногіе изъ числа духовенства и небогатыхъ гражданъ дали ему небольшое вспомоществованіе. Не смотря на скудость этихъ средствъ, Ѳедоровъ все же отпечаталъ здѣсь въ 1574 году »Апостола« съ тѣмъ знаменитымъ послѣсловіемъ, въ которомъ онъ самъ разсказываетъ о своей жизни, почему типографскій станокъ изъ Москвы былъ перенесенъ въ Литву и какъ »по промыслу человѣколюбиваго Бога« онъ достигъ богоспасаемаго града, называемаго »Львовомъ«.

Но во Львовѣ Ивану Ѳедорову не повезло. Въ 1579 г. онъ доведенъ былъ до такой крайности, что вынужденъ былъ заложить еврею Израилю Якубовичу типографію со всѣми принадлежностями и 140 русскими книгами за 411 польскихъ злотыхъ.

Въ это время одинъ изъ знатнѣйшихъ защитниковъ православія, князь Константинъ Констановичъ Острожскій, воевода Кіева, задумалъ издать полную Библію на церковно-

славянскомъ языкѣ и вступилъ поэтому въ сношенія съ Иваномъ Ѳедоровымъ, приглашая его стать во главѣ большой типографіи, устроенной въ городѣ Острогѣ (Волынской губ.).

Иванъ Ѳедоровъ, поручая своему сыну Ивану (переплетчикъ, имѣвшій свои торговыя дѣла и, между прочимъ, книжную лавку, съ русскими книгами) — наблюденіе за своею заложенною типографіею, радостно принялъ приглашеніе знаменитаго ревнителя просвѣщенія. Въ Острогѣ Иванъ Ѳедоровъ вполнѣ предался своему любимому дѣлу и отлилъ для него разной величины шесть мелкихъ шрифтовъ церковно-славянскихъ и греческихъ. По желанію князя, онъ сперва напечаталъ Новый Завѣтъ съ Псалтирью въ одной книгѣ, »яко первый овощь« новаго печатнаго дома. Въ томъ же 1580 г. отпечатано было Иваномъ Ѳедоровомъ первое, а въ 1581 году — второе изданіе знаменитой Острожской Библіи, первой полной печатной Библіи славянской. По красотѣ изданія Острожская Библія можетъ быть поставлена наравнѣ съ лучшими произведеніями современнаго типографскаго искусства въ Европѣ.

Дѣятельность Ивана Ѳедорова, такъ ярко проявившаяся въ Острогѣ, оказала сильное

вліяніе на весь Юго-Западъ Руси. Изъ Острога, какъ центра, книгопечатаніе распространилось по различнымъ мѣстностямъ и, наконецъ, появилось въ Кіевѣ. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ — острожскія изданія служили образцами.

Создавъ такое образцовое произведеніе своего искусства, Иванъ Өедоровъ, этотъ неутомимый труженикъ, могъ бы успокоиться, но не такъ было суждено Господомъ. Князь Острожскій, подобно многимъ вельможамъ своего времени, сталъ сторонникомъ Польши, склонился къ іезуитамъ, пустилъ ихъ въ свои владѣнія и особенно ласкалъ одного изъ нихъ, по имени Мотовила. Сынъ княза, Янушъ, еще при жизни отца перешелъ въ католичество *).

При такомъ настроеніи знатнаго князя не житье было нашему Ивану Өедорову въ Острогѣ. Поэтому уже черезъ пять мѣсяцевъ послѣ отпечатанія Острожской Библіи въ 1581 году, онъ снова переселился во Львовъ и готовился продолжать здѣсь книгопечатаніе, но ему не удалось осуществить своихъ дальнѣйшихъ плановъ. Онъ умеръ 5-го декабря 1583 года и былъ погребенъ на кладбищѣ при Онуфріевской церкви. Мо-

---

*) Костомаровъ.

гилы его не сохранилось; самое кладбище упразднено. Нагробный камень его попалъ въ церковь монастыря и находился въ ней еще въ августѣ 1883 г. При ремонтѣ церкви этотъ камень былъ разбитъ каменщиками.

Послѣ смерти Ѳедорова дѣла его остались въ весьма запутанномъ состояніи. Наконецъ типографія его перешла въ собственность Львовскаго Братства, послуживъ основаніемъ знаменитой братской типографіи въ Львовѣ, существующей нынѣ подъ именемъ »Ставропигіальной«.

Въ то время, когда Иванъ Ѳедоровъ съ самоотверженіемъ распространялъ дорогое ему печатное дѣло, не обращая вниманія на представляющіяся ему препятствія и гоненія въ городѣ Львовѣ, Петръ Тимофеевичъ Мстиславцевъ съ успѣхомъ возобновилъ типографскую дѣятельность въ Вильнѣ, благодаря помощи виленскихъ купцовъ, братьевъ Козьмы, Льва и Луки Мамоничей. Первымъ его изданіемъ было »Четвероевангеліе«, отпечатанное въ листъ, на 9 и 395 л. съ кирилловской нумераціей, по 17 строкъ на страницѣ, съ фигурными буквами, заставками, рѣзанными на деревѣ изображеніями евангелистовъ. Шрифтъ Петра Тимофеевича сталъ родоначальникомъ такъ называемыхъ »евангельскихъ шрифтовъ«. Дѣя-

тельность Петра Тимофеевича увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

Не смотря на это, печать грусти лежала постоянно на его лицѣ. Окончивъ свои дневныя работы, онъ печальный возвращался домой, опускался въ кресло и долго сидѣлъ, закрывъ лицо руками.

Однажды вечеромъ сидѣлъ онъ, по обыкновенію, въ глубокомъ раздумьѣ. Онъ даже не слышалъ, какъ дверь въ комнату тихо скрипнула и не замѣтилъ странной женской фигуры, которая появилась на порогѣ. Здѣсь остановилась она неподвижно, какъ статуя, и только пристально посмотрѣла на Петра Тимофеевича.

Поднявъ голову и увидѣвъ вошедшую, онъ быстро вскочилъ со своего мѣста.

— Кто ты такая, отъ кого ты ко мнѣ прислана?

— Сама отъ себя къ тебѣ пришла, захотѣла еще разъ взглянуть на твои ясныя очи! — тихо произнесла женщина.

— Татьяна! Ты, ты ли? не сонъ ли это? — воскликнулъ Петръ Тимофеевичъ, порывисто протянувъ ей обѣ руки.

— Я... я, Петръ Тимофеевичъ! Насилуто добралась послѣ смерти отца къ тебѣ сюда... опасалась, найду ли тебя... вотъ Господь сподобилъ... — Неужто ты среди

своихъ заботъ не забылъ меня, сироту горемычную?

— Развѣ мнѣ можно забыть тебя? Каждый день думалъ о тебѣ! Давай руку и вмѣстѣ пойдемъ до гробовой доски...

Сердце Татьяны усиленно билось; тихія радостныя слезы катились по ея щекамъ. Обнявъ Петра Тимофеевича, она прошептала:

— Жить и умереть съ тобою — вотъ все мое счастіе, вся радость, все благо!

